

Ю.Г.Коргунюк

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Современная представительная демократия немислима без политических партий. Наряду с разделением властей, парламентом, всеобщим избирательным правом etc. партии воспринимаются как неотъемлемая часть политической системы развитого общественного организма. Однако так было далеко не всегда. Автор первого крупного теоретического труда на данную тему – «Демократия и политические партии» (1902) – Моисей Острогорский считал этот относительно молодой в те годы институт едва ли не безусловным злом. Политическая партия в его интерпретации представляла частной лавочкой, стремящейся узурпировать права граждан на управление государством, своего рода реинкарнацией тирании, «ожесточенно борющейся против свободы человеческого разума и достоинства человеческой личности» (Острогорский: 563). Развитие демократии М.Острогорский связывал отнюдь не с партиями, а с нерегулярными организациями, создаваемыми для решения ситуационных проблем (Острогорский: 569).

Аналогичного взгляда на партии как на инструмент, при помощи которого управляющее меньшинство монополизирует власть над управляемым большинством, придерживался и другой классик партологии Роберт Михельс. Хорошо изучив изнутри современные ему (рубеж XIX-XX вв.) социалистические партии Европы, он пришёл к выводу о несовместимости партийной организации и демократии: «В партии, в отличие от общества, с развитием организации приходит в упадок демократия. ... Чем сильнее организация, тем слабее демократия» (Michels: 33).

Лишь к середине XX века отношение к партиям сменилось на нейтральное. Морис Дюверже («Политические партии»; 1951) рассматривал их как важнейший элемент современного политического механизма. С одной стороны, Дюверже соглашался с противниками «режима партий» в том, что принцип организации политических партий «не соответствует демократической ортодоксии», а их внутренняя

структура «по самой своей сущности авторитарна и олигархична» (Дюверже: 508). С другой стороны, отмечал он, только становление партий «открыло возможность реального и активного сотрудничества всего народа с политическими институтами» (Дюверже: 512). Существование этого института, по мнению М.Дюверже, позволяет «управлять народом элите, вышедшей из самого народа», и альтернативой ему может быть только власть «элит, обязанных своим привилегированным положением происхождению, деньгам или должности» (Дюверже: 513).

Наконец, начиная со второй половины 1960-х, когда стал очевиден кризис партий, когда они начали терять численность, организационную мощь, влияние, всё чаще проигрывая в конкурентной борьбе разнообразным «группам интересов», отношение к ним сделалось, безусловно, позитивным. Партии стали рассматриваться чуть ли не как краеугольный камень представительной демократии. Это и неудивительно. Деятельность партий, при всех их недостатках, вполне поддаётся общественному контролю – способы воздействия на них со стороны гражданского общества описал ещё М.Острогорский. Контролировать группы интересов – в силу их абсолютно неформального характера – несоизмеримо сложнее. В этих условиях политические партии, как организации принципиально публичные, выглядят не просто меньшим злом, но и несомненным благом, оплотом демократии. Постепенная же трансформация политического пространства из подобия поля боя в аналог рынка, когда «традиционная ставка на мобилизацию сторонников с помощью организационной структуры и агитации силами активистов уступает место всё более изощрённым информационно-рекламным технологиям, рассчитанным не столько на массивное воздействие, “обработку” массового сознания избирателей, сколько на его взлом» (Левин 2000: 53), вызывает ностальгию по времени безраздельного господства политических партий как о некоем золотом веке демократии.

Следует отметить, что некоторые исследователи, проанализировав сложившуюся ситуацию, делают весьма радикальные выводы. По их мнению, налицо стойкая тенденция к вытеснению партий, как «главных действующих лиц политического процесса», «организациями специалистов по продаже политических товаров, обеспечивающими как формирование и отслеживание спроса, так и доставку потребителям необходимой информации» (Пшизова 2000 (I): 35). Более того, «с функциональной точки зрения партии как таковые... уже не нужны. В “старых демократиях” они представляют собой во многом дань уважения “демократическому прошлому”, в “новых” – результат “преклонения перед Западом”» (Пшизова 2000 (I): 35). «Партия как организационная структура, предназначенная для обеспечения представительства интересов отдельных социально-классовых компонентов населения, теряет своё значение» (Пшизова 1998: 108), – полагает, в частности, С.Пшизова. «Объединение гражданина с гражданином

происходит не через организацию, а с помощью техники. Лидер остаётся один на один с избирателем. Посредниками между ними выступает не социальная общность, не “организации единомышленников, объединённых схожестью политических взглядов”, а компании специалистов, менеджеров по продаже “политического товара”» (Пшизова 1998: 112).

Вывод об упадке партий как форме политической организации (точнее, общественно-политической) базируется на экстраполяции некоторых действительно имеющих место тенденций, как то: снижение численности партий, размывание их организационной структуры, смягчение уставных требований, «облегчение» партийных программ, «театрализация и персонализация политики» (Левин 2000: 54) и пр. Вопрос, однако, в том, свидетельствуют ли указанные тенденции именно о деградации партий как политического института. Второе – в какой степени организационное «ослабление» партий связано с утратой ими представительских функций? И, наконец, тождественно ли это ослабление упадку представительной демократии как таковой?

Прежде чем отвечать на эти вопросы, нелишним будет проследить эволюцию организационных форм политических партий за два столетия существования последних. Обзор, который мы попытаемся сделать, будет не столько историческим, сколько историографическим, то есть привязанным к отображению данной проблемы в теоретической литературе.

Предшественниками политических партий являлись парламентские фракции (иногда с довольно длительной историей – например, в Великобритании). Правда, не все, а только те, которые основывались не просто на кооперации индивидов, стремящихся к власти и вытекающим из обладания ею выгодам, но на общности воззрений на пути развития общества. Те, которые Дж.Сартори называл «фракциями принципов», противопоставляя им «фракции интересов», – в последних он видел обычные клиентельные группы, тогда как первые рассматривал как объединения приверженцев определённой идеи либо веры (Sartori: 77). В XVIII веке понятия «фракция» и «партия» были вполне взаимозаменяемы. Можно даже сказать, что именно фракции принципов имел в виду Э.Бёрк, когда в 1770 г. определил партию как «группу людей, объединившихся, чтобы совместными усилиями на основе разделяемых ими принципов обеспечивать общенациональный интерес» (Burke: 335).

**1. Партийная
организация:
эволюция и
деволюция**

Партии в современном понимании – внепарламентские организации, призванные способствовать победе кандидатов какого-либо политического направления, – являются порождением XIX века. Историю появления политических партий М.Острогорский изложил на примере Великобритании, начав с XVIII века, с Общества поддержки

билля о правах (1769) и возникших под влиянием Великой французской революции обществ в защиту всеобщего избирательного права, затем перейдя к союзам за реформу избирательного законодательства, чартистскому движению, обществам регистрации избирателей и, наконец, добравшись до создания в 1877 г. «Кокуса» – Национальной либеральной федерации, то есть Либеральной партии. Лишь во второй части своего труда он вернулся немного назад и обратился к американским партиям, по образцу которых и был сформирован «Кокус», позаимствовавший у них в том числе и название. Понять М.Осторогорского можно. Он явно отдавал предпочтение логическому методу перед историческим. Американским партиям, а также британской Консервативной партии (Национальному союзу консервативных и конституционных ассоциаций, созданному в 1867 г., за десять лет до возникновения Либеральной партии) явно недоставало того, что в глазах исследователя и делало партией: жёсткости структуры, регулярности организационной жизни и самостоятельности во взаимоотношениях с выборными лицами, пришедших к власти при её, партии, поддержке.

Некоторые авторы, например Уильям Чамберс, отсчитывают историю американских партий с последнего десятилетия XVIII века – с федералистов и джефферсонских республиканцев. Этим течением, на взгляд У.Чамберса, были свойственны черты сложившихся политических партий. Они обладали развитыми внепарламентскими структурами, обеспечивавшими взаимодействие между лидерами и активистами в центре и на местах и обратную связь с избирателями (Chambers: 88-89). Однако, как признаёт сам У.Чамберс, обе протопартии отличала (особенно это касается федералистов) недостаточная дифференциация внутренних функций и вытекающее отсюда нечёткое разделение труда (Chambers: 89). Но дело даже не в этом. Уже сам факт, что ни одна из них не конституировалась в качестве самостоятельной организации, то есть не институционализировалась, свидетельствует о том, что и федералисты, и республиканцы так и не переросли стадии более или менее оформленных течений. К тому же в начале XIX века федералисты, потерпев ряд поражений, фактически покинули политическую сцену, оставив республиканцев без соперников, а следовательно, и без стимулов к институционализации организационных структур.

Новый всплеск американского партстроительства был связан с джексонианскими демократами, то есть сторонниками президента Эндрю Джексона (1830-е гг.). Во многом этот всплеск обусловило введение «спойл-системы», или «системы добычи», которая давала победившей партии возможность замещать десятки (если не сотни) тысяч постов на самых разных уровнях. Другими словами, объединение происходило на основе не столько принципа, идеи, сколько вполне корыстного интереса – стремления получить тёплое местечко. Это, конечно, прибавляло партии численности, но одновременно опускало

её до уровня клиентелы, клана. Кроме того, партийный статус джексонианцев выглядел довольно сомнительным, так как их противники виги, по сути, не располагали сколько-нибудь развитыми внепарламентскими структурами и не претендовали на звание партии. Оказалось, что для того, чтобы успешно конкурировать с организованными в масштабах страны демократами, не обязательно было становиться партией, хватало элементарной координации усилий во время избирательных кампаний и в органах представительной власти.

Лишь с выходом на политическую сцену республиканцев Авраама Линкольна (1850-е гг.) партийная жизнь США обрела известную регулярность, а сами партии – достаточную степень организационной жёсткости. Если учесть, что во время последовавшей за этим гражданской войны между Севером и Югом партийная конкуренция была существенно ограничена, можно заключить, что формирование политических партий в нынешнем понимании происходило в США и Великобритании практически одновременно.

Республиканская и Демократическая партии США, Либеральная и Консервативная партии Великобритании относились к одному типу партийных организаций – кокусному, или комитетскому. В середине XX века М.Дюверже назвал их кадровыми партиями. Они не имели массового членства (британские партии – на начальном этапе), а состав их местных и региональных структур ограничивался узким кругом «боссов» («нотаблей», «уважаемых людей»), решавших, кого из кандидатов поддержать на выборах.

К концу XIX – началу XX века появились новые организационные формы. Это, во-первых, массовые партии, наиболее яркие образцы которых представлены социал-демократическими и социалистическими партиями Европы (прежде всего Социал-демократической партией Германии). И, во-вторых, так называемые непрямые партии, то есть созданные не индивидуальными членами, а неполитическими объединениями – профсоюзами, кооперативами и пр. Характерный пример такой организационной формы – Лейбористская партия Великобритании. Примечательно, что поначалу авторы, описывающие данные партии, не усматривали особой разницы между ними и партиями кокусного типа. Так, Р.Михельс, сосредоточившийся на исследовании социал-демократических и социалистических партий континентальной Европы, явно не считал существенным их отличие от партий буржуазных или «аристократических». Единственное, на чем он заострил внимание, это тот факт, что в то время как «аристократические» партии всё больше пропитывались демократическим духом (это касалось как внутреннего устройства, так и агитационной деятельности), рабочие партии, декларировавшие крайние формы революционной демократии, проявляли очевидную склонность к концентрации власти в руках немногих (Michels: 10-11). Этот парадокс Михельс объяснил свойственной всякой организации тенденцией к олигархии: чем обширнее организация, чем более разветвлён её аппарат, чем она богаче

и т. п., тем менее эффективен прямой контроль со стороны рядовых членов над руководством и тем быстрее этот контроль вытесняется властью комитетов (Michels: 10-11).

Что касается не прямых партий, то этот феномен, как представляется, вообще не был удостоен в литературе того внимания, какого заслуживает. На них смотрели как на боковую, гибридную ветвь эволюции партийных форм. Так, М.Дюверже определял не прямые партии как полумассовые, оговаривая при этом нецелесообразность возведения этого понятия «в ранг какой-то третьей категории, противоположной двум первым (кадровые и массовые партии. – Ю.К.)». Такой подход вряд ли оправдан, и не прямые партии следует рассматривать как явление не менее важное и интересное, чем централизованные массовые партии.

К середине XX века многообразие организационных форм политических партий достигло своего пика. М.Дюверже разработал их развёрнутую классификацию, не только чётко обозначив различие между непрямыми и прямыми партиями и введя ставшее классическим деление последних на кадровые и массовые, но и выделив среди массовых партий целый ряд разновидностей. В основе каждой из этих разновидностей, согласно его классификации, лежит соответствующий структурный элемент: 1) территориальное подразделение, или *секция*; 2) производственное подразделение, или *ячейка*; 3) военизированное формирование, или *милиция* (Дюверже: 60). Обозначая первый тип, М.Дюверже имел в виду прежде всего социал-демократические и социалистические партии, пример второго типа находил в коммунистических партиях, а на выделение третьего типа его подтолкнуло наблюдение за партиями фашистского, национал-социалистического толка. Классификация, предложенная французским исследователем, строится на определённом представлении о направлении, в котором совершалась эволюция организационных форм политических партий. Не в последнюю очередь этим представлением обуславливалось понимание не прямых партий как бокового ответвления, а массовых партий как более развитой по сравнению с кадровыми организационной формы. Недаром М.Дюверже оценивал структуру американских партий как архаичную, во всяком случае, на фоне партий европейских (Дюверже: 65).

Хотя концепция М.Дюверже получила широкое признание, американские исследователи встретили её вполне понятным скепсисом. Так, Леон Эпштейн справедливо указал, что М.Дюверже смотрит на американские партии с «европейской колокольни»: по его мнению, Дюверже задавал американским партиям европейские вопросы (Epstein: 124). А это, с точки зрения Эпштейна, неправомерно, поскольку именно американские партии являются самыми старыми в мире, а опыт политического соперничества в условиях демократии у США больше, чем у Европы. Поэтому говорить о недоразвитости американских партий нет никаких оснований: они менее организованы, но

отнодь не менее развиты – напротив, они более приспособлены к деятельности в условиях демократии (Epstein: 124). В связи с этим, высказал убеждение Л.Эпштейн, не американские партии будут развиваться в направлении европейских образцов, а наоборот – европейские в направлении американских. По его мнению, появление новых видов СМИ, средств коммуникаций и пиар-технологий, а также широкое внедрение опросов общественного мнения требует таких затрат, которые не могут быть компенсированы членскими взносами или помощью добровольцев. А следовательно, в изменившихся условиях массовые партии не имеют преимуществ, их организационная структура не адекватна новым методам избирательных кампаний (Epstein: 146-147).

Ситуация на момент выхода статьи Л.Эпштейна (1967) подтверждала правоту американского автора. В ведущих странах Европы тенденцию к снижению численности партий не заметить было уже невозможно (Epstein: 148). Европейские партии постепенно американизировались. Причём не только в том, что касалось организационного устройства, но и в выборе целевой аудитории. Из ориентированных на определённые социальные классы и страты они неуклонно превращались во «всеядные» (catch-all). Первым это подметил Отто Киркхаймер, с лёгкой руки которого в политологический обиход и вошло понятие «catch-all party». Проанализировав изменения, произошедшие с ведущими партиями Европы, он выделил несколько обстоятельств, сопровождавших трансформацию массовых партий во «всеядные»: 1) радикальное сокращение идеологического багажа; 2) повышение роли лидерских групп; 3) снижение роли индивидуального членства; 4) ослабление привязки к определённым слоям электората; 5) усиление влияния групп интересов на партийную политику (Kirchheimer: 190).

Между тем само наименование «всеядные» указывало на свойства не отдельных партий, а партийных систем в целом. Оно подчёркивало идеологическую нивелировку противостоящих политических сил и размывание их социальной базы. Вызванные этим организационные изменения интересовали О.Киркхаймера лишь постольку-поскольку. Кроме того, ко времени написания статьи (1965) ещё не накопилось достаточно эмпирического материала, на основе которого можно было бы формулировать далеко идущие выводы. О.Киркхаймер отметил только повысившуюся роль лидеров и снизившуюся роль индивидуального членства. Тем самым он предсказал (а во многом попросту констатировал) падение численности партий и возрастание самостоятельности кандидатов, баллотирующихся на выборные должности. В последующие десятилетия эти тенденции в партийной жизни Запада не упоминал, пожалуй, только ленивый. Однако констатацией данных тенденций дело не ограничилось. В ряде работ перечень изменений в организационной структуре партий был существенно расширен.

Так, Анжело Панебьянко отметил всё более заметное вытеснение партийной бюрократии профессиональными менеджерами и экспертами, а соответственно, и ослабление политического влияния партийного аппарата, сведение его роли к сугубо технической (Panebianco: 232). Он также дал новому типу партий название, точнее отражающее суть изменений в их организационной структуре, нежели то, которое предложил О.Киркхаймер, – электорально-профессиональные (Panebianco: 264). Согласно А.Панебьянко, от массовых централизованных партий данный тип отличало следующее: 1) переход партийного аппарата в руки профессионалов, наёмных менеджеров, решающих не политико-административные, а специализированные, технические задачи; 2) ослабление вертикальных связей внутри партии и обусловленное этим стремление апеллировать не к рядовым членам и сторонникам, а напрямую к общественному мнению, избирателям; 3) доминирование в партийной жизни публичных политиков, персонализация партийного руководства; 4) финансирование партийной деятельности не за счёт членских взносов и подконтрольных организаций, а за счёт поддержки группами интересов и общественными фондами (Panebianco: 264).

В электорально-профессиональных партиях бюрократия перестаёт быть носителем политической власти, из «представительной» она превращается в «исполнительную», на её долю остаются лишь технические, административные функции (Panebianco: 233). Власть в таких партиях переходит в руки лидеров, а бюрократов в значительной мере сменяют разного рода специалисты, контроль за деятельностью которых осуществляется не только сверху, но и «сбоку», со стороны коллег, в соответствии с требованиями корпоративной этики (Panebianco: 229). В связи с этим организации, основу которых составляют профессионалы, проявляют выраженную тенденцию к децентрализации в противоположность массовым партиям с их развитым бюрократическим аппаратом (Panebianco: 232).

Отличие электорально-профессиональных партий от кадровых заключается именно в их профессионализме. Нотабли, составлявшие костяк кадровых партий, – типичные «дилетанты», конвертирующие неполитические ресурсы в политическую власть. В современных партиях они продолжают сосуществовать с профессионалами, но уже не в силах обходиться без последних (Panebianco: 233).

А.Панебьянко делал свои выводы на материале, относящемся в основном к 1970-м годам. Петер Майр, наблюдая эволюцию доминирующих форм партийной организации в 80-х – начале 90-х гг., отметил ещё ряд изменений, прежде всего, опережающий рост аппарата парламентских фракций по сравнению с собственно партийным аппаратом (Maig: 140-141). Это, правда, вполне укладывалось в рамки выявленной ранее тенденции к переносу центра влияния от партийного аппарата к публичным политикам. Вместе со своим соавтором Ричардом Кацем П.Майр обозначил эту тенденцию как ослабление роли

местных организаций («party on the ground») и центрального аппарата («party in the central office») при повышении роли представителей партии в органах государственной власти («party in the public office») (Katz and Mair 2002: 113). Данный «перекос» ещё более усиливался установившимся после Второй мировой войны в странах Западной Европы порядком финансирования партий за счёт не только членских взносов и спонсорских пожертвований, но и прямого государственного субсидирования. Это, по мнению П.Майра, делало партии частью не столько гражданского общества, сколько государства (Mair: 111).

Кроме того, П.Майр указал на складывание в партиях режима «стратархии», то есть, фактически, независимого сосуществования разных «слоев» – центрального, регионального, местного (Mair: 151).

Р.Кац и П.Майр отметили ещё одну развивающуюся особенность в партийной жизни современной Западной Европы – «картелизацию» (Katz and Mair 1995; Mair: 107-120). Суть её состоит в том, что ведущие партии той или иной страны входят друг с другом в «картельный сговор» и делят места в парламенте, закрывая доступ туда другим политическим организациям. Похожая ситуация, между прочим, сложилась в 2001 г. на выборах в Московскую городскую думу, где четыре партии – «Единство», «Отечество», СПС и «Яблоко» – согласовали единый список кандидатов и в результате не пустили в гордуму остальных конкурентов. Однако введение П.Майром и Р.Кацем понятия «партия-картель» – как обозначения нового типа партийной организации – представляется не вполне правомерным, картелизация – это скорее направление в развитии всей партийной системы, нежели каждой партии по отдельности.

Из всех появившихся в последнее десятилетие определений, отражающих изменения организационных форм политических партий, наиболее удачна, на наш взгляд, формулировка «обновлённая (модернизированная) кадровая партия» (modern cadre party), предложенная голландцем Рюдом Коле. Правда, сам Р.Коле присвоил это наименование некоему гибриду массовой и кадровой партии – организации массовой по форме и кадровой по содержанию. В партии доминируют лидерские группы, в первую очередь парламентская фракция, но они вынуждены считаться с низовыми организациями и во многом подотчётны им; удельный вес членов партии по отношению к её избирателям невелик, но институт индивидуального членства сохраняет своё значение как источник финансирования и рекрутирования кандидатов, да и вообще как гарантия поддержания организации «в тонусе»; структура массовой партии, с её вертикальными организационными связями, также сохраняется, но больше «для имиджа», да и в целом для обеспечения должного уровня внутренней демократии (Koole: 299). В любом случае тенденцию к деволуции – от массовой партии «назад» к кадровой – данный термин фиксирует достаточно чётко.

Таким образом, в развитии партийных организаций явно намечилось определённое возвратное движение. Достигнув некоего пика по части наращивания численности и укрепления организационной структуры в массовых партиях, эволюция как бы повернула вспять и «вспомнила» об «архаичных» формах. Кадровая партия (пусть и модернизированная) в этом плане вовсе не последняя ступень – впереди проглядывает «низведение» партии до уровня парламентской фракции, сопровождаемое атрофией внепарламентской организации.

Вместе с тем, говорить о каком-то «регрессе» нужно с величайшей осторожностью. При всём сходстве «архаичных» и новейших форм партийной организации их содержание разнится кардинально. Не следует забывать, что партии нотаблей, а уж тем более первые парламентские фракции создавались в условиях ограниченного избирательного права и носили элитный, закрытый характер. Нынешние «модернизированные кадровые партии» имеют дело с массовым избирателем и уже в силу этого вынуждены быть гораздо более открытыми.

Двигателем «прогресса» в развитии форм партийной организации некогда стало именно расширение избирательного права. Появление кадровой (комитетской, кокусной) партии совпало по времени с распространением этого права на мелкую буржуазию («старый средний класс») и фермеров. Предоставление его рабочим вывело на политическую сцену массовые и непрямые партии. Эпохой несомненного доминирования массовой партии явилась первая половина XX столетия, когда избирательное право на Западе стало всеобщим, а основную часть электората в большинстве европейских стран составил рабочий класс. Наконец, упадок этой формы партийной организации и вытеснение её электорально-профессиональной (модернизированной кадровой) партий связаны с бурным ростом среднего класса, сокращением доли рабочих в общей массе населения, а также со значительным повышением их благосостояния и образовательного уровня.

Резонно предположить, что поскольку на протяжении большей части XX века избирательному праву расширяться было уже некуда, то эволюция партийных организационных форм обуславливалась изменением характера отношений представительства внутри партий, а также между партиями и избирателями. На взаимосвязи организационных форм политических партий и различными типами представительства остановимся подробнее.

2. Организа- ционные формы и отношения представительства

Применительно к партиям функцию представительства можно рассматривать в двух аспектах: взаимодействие между партиями и избирателями и внутрипартийные отношения. С одной стороны, партия представляет определённую часть электората в органах государственной власти, с другой стороны, её внутренняя жизнь строится также на принципах представительства.

В различные исторические эпохи и в различной социальной среде содержание представительских функций может различаться кардинально.

В частности, П.Майр классифицировал отношения между партиями и избирателями следующим образом. Кадровые (в терминологии Майра – элитистские) партии выступают в роли опекунов, покровителей (trustee), массовые – делегатов, которым гражданское общество передает свои полномочия, «всеядные» (catch-all) – в роли брокеров, которые, конкурируя между собой, предлагают обществу посреднические услуги во взаимодействии с государством; наконец, партии-картели, в значительной степени отделившиеся от общества и ставшие частью государства, являются, по сути, агентами последнего (Mair: 111).

Эта схема представляется не совсем удовлетворительной по нескольким причинам. Во-первых, кадровые партии отнюдь не всегда исполняют по отношению к избирателю преимущественно опекунскую роль. Например, американские партии изначально больше напоминали брокеров (а точнее, адвокатов), нежели полновластных покровителей. Во-вторых, в понятие «массовые партии» П.Майр включил как централизованные, так и не очень централизованные организации – и социал-демократические, и коммунистические, и фашистские, и даже некоторые либерально-консервативные. А в них делегирование может осуществляться разными способами – и снизу вверх, и сверху вниз, и вообще «вбок».

Наконец, «всеядность» и картелизация – это, как уже говорилось, всего лишь определённые тенденции в развитии партийных систем, а «catch-all party» и «партия-картель» – скорее идеальные типы, но не реально существовавшие организационные формы. Вряд ли найдётся хоть одна действительно влиятельная партия, о которой можно было бы с уверенностью сказать – это «всеядная» партия в чистом виде, брокер, которому всё равно, чем торговать. О.Киркхаймер в качестве образца подобной партии привёл «Союз за новую Республику» де Голля (Kirchheimer: 187). Однако по прошествии лет следует признать: по-настоящему «всеядной» голлистская партия так и не стала, прочно обосновавшись на правом фланге политического спектра. Партии-брокеры если и существуют, то их место – на периферии политической жизни, причём появились они задолго до 60-х годов прошлого столетия, едва ли не с возникновением многопартийности как таковой.

Что же касается картелизации, то попытки партий монополизировать сферу публичной политики были отмечены ещё в XIX веке, именно против них так страстно протестовал М.Острогорский. С тех пор стремление партий «картелизовать» политическую жизнь шло рука об руку со стремлением общественности не допустить такой монополии. Бывало, в самых разных странах и в самые разные времена, что верх одерживала первая тенденция. Но бывало и иначе, когда

сила оказывалась на стороне общества. Применительно к истории США эту борьбу неплохо описал тот же Острогорский. В конце XX века в ряде европейских стран также явно просматривалась картелизация партийных систем, отрицать это бессмысленно. Но и здесь это было не более чем одним из этапов в течении политической жизни. Когда П.Майр писал свою работу «Изменения партийной системы» (первая половина 1990-х гг.), тенденция к картелизации в самом деле казалась неодолимой, но на рубеже тысячелетий картельная система затрещала по швам – партии, смотревшие безраздельными властителями, вдруг начали проваливаться на выборах, уступая не воспринимавшимся ранее всерьёз аутсайдерам. В любом случае интеграция партий и государства, разумеется, не выдумка, а объективный факт, но полное срастание первых и второго – несомненное преувеличение.

К схеме П.Майра мы вернёмся позднее, а сейчас остановимся на различных типах представительства во внутрипартийных отношениях. Как и в обществе в целом, принцип представительства определяет здесь прежде всего взаимоотношения управляющих и управляемых, формируя механизм выдвижения лидеров и осуществления последними руководящих функций.

Партия – это союз людей, добровольно и сознательно объединивших свои усилия для достижения общих целей. Но в том-то и дело, что и люди, и цели, и характер совместной деятельности могут сильно друг от друга отличаться. Отсюда и пестрота многопартийной жизни, когда одно и то же название – «партия» – носят совсем не похожие организации, зачастую представляющие собой совершенно разные типы добровольных объединений. Что же это за типы? При желании, конечно, таковых можно выделить бесчисленное множество, но мы ограничимся четырьмя основными, различающимися характером целей, способами их достижения, приоритетами деятельности, стимулами к объединению¹ и, так сказать, качеством объединяемого «человеческого материала».

Самой примитивной формой добровольного объединения следует считать *клиентелу*, сплотившуюся вокруг патрона, вождя. Цели, преследуемые её членами, как правило, исключительно корыстные, следовательно, и стимулы к объединению сугубо материальные. В большинстве случаев клиентелы, стремясь к своей цели, не брезгают никакими средствами, поэтому приоритет данной формы очевиден в тех областях человеческой деятельности, которые пребывают либо на грани, либо за гранью закона и морали. Клиентелы встречаются во всех слоях общества, но в наиболее чистом виде их можно наблюдать в среде люмпенов, криминальных элементов и т. п. Вся власть в клиентелах принадлежит лидерам, и только они вольны представлять свои сообщества во внешнем мире. Поэтому типом представительства, более всего свойственным клиентелам, является патронаж.

Далее по степени развитости следует *иерархическая структура*. В каком-то смысле эту форму можно считать разросшейся клиентелой,

¹ В данном случае мы взяли за основу классификацию, используемую А. Уэйром и подразделяющую стимулы к объединению на а) материальные, б) основанные на солидарности и в) целевые (идейные) (Wage: 68). Уэйр в свою очередь, скорее всего, заимствовал её у П. Кларка и Дж. Уилсона (Clark and Wilson) Эта классификация, конечно, схематична, но всё же несколько богаче, нежели та, на которую опирался А. Панебянко, последний ограничился разделением стимулов на селективные (материальные) и коллективные (идейные) (Paniebianco: 9).

однако есть и серьёзные отличия. Если связь между патроном и клиентом носит личный характер, то в иерархической структуре отношения между вышестоящей и нижестоящей инстанциями значительно обезличены, функциональны. Конструкция иерархической структуры допускает возможность замены почти любого её звена, она достаточно независима от людей, её составляющих. В этом главное преимущество иерархической структуры перед клиентелой, существующей лишь до тех пор, пока её стержень (патрон) дееспособен. В противоположность клиентеле, порядки в которой устанавливаются вожаком, иерархическая структура живет по уставу. Этот устав предоставляет высшей инстанции наиболее широкие полномочия, но одновременно регламентирует, а значит, и ограничивает их.

Иерархические структуры наиболее эффективны в тех сферах деятельности, где необходима максимальная концентрация и слаженность усилий, что, в свою очередь, требует подчинения всех звеньев командам из центра. Идеальный пример такой сферы деятельности – война. Поэтому наиболее цельное воплощение иерархической структуры находит в армейской организации и государственном аппарате вообще, а оптимальный для неё человеческий материал поставляет бюрократия (чиновничество). Разумеется, государственный аппарат трудно отнести к разряду добровольных объединений, но люди, которые в нём работают (если это, конечно, не армейская служба по призыву), как правило, выбирают данное поприще сознательно и непринуждаемо. Что до негосударственных организаций, структура которых выстроена по иерархическому принципу (например, современные крупные фирмы), то членство в них носит безусловно добровольный характер.

В иерархических структурах хорошо развита система материальных поощрений; более того, возможность продвижения по её ступеням – сама по себе достаточно хороший материальный стимул. Однако ни одно объединение подобного типа не может существовать без корпоративного духа, который тем сильнее, чем ярче обряжен в какие-нибудь идеологические одежды. Цель иерархической структуры – собственное благополучие, но для нормального функционирования ей необходима способность каждого её члена к некоторому самоотречению. Взаимодействуя со внешним миром, иерархическая структура обыкновенно руководствуется моралью, которую принято называть готтентотской, так что по части разборчивости в средствах она не намного превосходит клиентелу, но во внутренней жизни требует строгого соблюдения корпоративного «кодекса чести».

Лидер в иерархических системах – это начальник, командир, подчиняющийся уставу. Он же, как правило, выступает от лица организации в отношениях со внешним миром. Но в иерархической системе лидер может передоверять кому-либо свои полномочия (что нехарактерно для клиентелы), и такая практика весьма распространена. Форма представительства в иерархических структурах приобретает,

таким образом, вид делегирования полномочий сверху вниз или командирования, командирства.

Гражданскому союзу, в отличие от иерархической структуры, свойственна не вертикальная (господство-подчинение), а горизонтальная (равноправная) модель отношений. Члены гражданского союза, граждане, не зависимы друг от друга в силу своей относительной самодостаточности. Вместе они сходятся ради некоего общего дела, чётко отделённого от их частной жизни. Лидер гражданского союза – не патрон и не вышестоящая инстанция, а первый среди равных. Он не господствует, он пользуется полномочиями, делегированными ему снизу, точнее «сбоку». Своим согражданам он не покровитель и не начальник, он – *адвокат* их интересов во внешнем мире. Если жизнь клиентелы полностью зависит от произвола патрона, а жизнь иерархической структуры протекает в соответствии с уставом, спущенным сверху вниз, то гражданский союз живёт по законам, выработанным самими гражданами. Причём у последних есть инструменты контроля за лидером – за тем, насколько добросовестно он следует установленным сообща правилам. Среди этих инструментов – выборность должностных лиц, их регулярные отчёты перед собранием граждан и пр.

Если военная сфера – идеальная почва для произрастания иерархических структур, то гражданские союзы, наоборот, цветут пышным цветом на мирной ниве, и в первую очередь там, где равные по положению стороны вступают в регулярные отношения. Наиболее благоприятной средой для гражданских отношений является рынок, а максимальную предрасположенность к данному типу отношений проявляют предприниматели, буржуа.

Вступление в гражданские отношения обусловлено, конечно, перспективой взаимной выгоды, а стало быть, вполне материальным стимулом. Однако ключевым здесь следует считать не столько слово «выгода», сколько «взаимная». Это значит, что граждане добровольно берут на себя обязательство блюсти интересы друг друга. Таким образом, на первый план выходят соображения солидарности. Что же касается направления деятельности гражданских союзов, которое обращено вовне, то в этой области приоритет мотивов солидарности вообще бесспорен: материальная выгода для их членов – дело, скорее, частное, в публичной сфере главенствуют общие интересы, распознать и обозначить которые призвано присущее каждому члену сообщества чувство гражданского долга, а последнее оформляется в определённую идеологию, более-менее «насыщенную» в зависимости от конкретных исторических условий.

Как и клиентелы и иерархические структуры, гражданские союзы защищают интересы только своих членов. Существуют, однако, объединения, чья цель – отстаивание интересов общества в целом. В такие организации собираются люди, для которых абстрактные идеи имеют не только не меньшую, но много большую ценность, чем материальная выгода и соображения солидарности. Наиболее подходящее

определение для подобного рода организаций – *клубы единомышленников*. Объединяют они, прежде всего, интеллигенцию, а по своей структуре ещё более горизонтальны, нежели гражданские союзы. Отношения внутри клубов равноправны настолько, что последние, в сущности, лишены организационной структуры. Их лидеры очень часто не являются даже формальными руководителями, поскольку стремятся представлять не столько собственные организации, сколько всё общество, в том числе те его слои, которые не способны постоять за себя самостоятельно. Основная сфера деятельности таких объединений поэтому – *правозащита*, ходатайство за общество в целом и обиженных и обделённых в частности. Это тоже своего рода адвокатура, осуществляемая, однако, абсолютно бескорыстно. От патронажа правозащиту отличает то, что она не предполагает установления личных связей между защищающим и защищаемым, а кроме того, подразумевает скорее отстаивание фундаментальных прав, нежели непосредственное предоставление материальной помощи нуждающимся. Наконец, от командирской функции правозащитная разнится тем, что правозащитники никем не командуют, если они кого-то куда-то и ведут, то исключительно силой собственного примера.

В устройстве практически любой состоявшейся партии совмещаются элементы всех четырёх типов добровольных объединений, однако, как правило, какой-то из этих элементов выражен более ярко. Так, в лидерских партиях доминируют клиентельные отношения; в массовых централизованных, в первую очередь коммунистических, – иерархические; фашистские партии представляют собой причудливый гибрид клиентелы и иерархической структуры; традиционные кадровые партии строятся по принципу гражданских союзов; в идеологических партиях, особенно в момент зарождения, много от клубов единомышленников, и претендуют они на выполнение прежде всего правозащитных функций.

Точно так же и в отношениях с избирателями партии могут выступать в нескольких ипостасях одновременно, однако ведущими будут лишь некоторые из них. С точки зрения представительства партия может быть патроном, командиром, адвокатом или правозащитником. Причём, возьмёмся утверждать, та или иная роль не привязана жёстко к конкретной организационной форме. Так, и кадровые, и массовые, и электорально-профессиональные партии могут выступать по отношению к избирателю и как патрон, и как адвокат. Роль командира больше всего походит массовым партиям, но не заказана и электорально-профессиональным. Правозащитная функция изначально присуща партиям клубного типа, но закрепилась и за многими массовыми, к тому же нередко с нею успешно справляются и электорально-профессиональные.

Какие отношения возобладают внутри конкретной партии и кем она предстанет по отношению к избирателю, зависит от многих факторов, главными среди которых примем следующие: 1) тип самоорганизации

партии, задаваемый не в последнюю очередь её социальным составом; 2) социальная дистанция между избираемыми и избирающими, партией и электоратом, а также между лидерами и рядовыми партиями; 3) уровень политической активности и самостоятельности как избирателей, так и членов партии.

С первым фактором всё понятно. Люмпены не могут, да и вряд ли пожелают создать ассоциацию интеллектуальных клубов, а интеллигенция и буржуазия – плохой материал для строительства иерархической структуры.

Вторым фактором обуславливаются предпосылки для наращивания массы партийного организма. Отсутствие значительной дистанции между ведущими и ведомыми или, наоборот, существование между ними непроницаемой границы, мало способствует возникновению массовых партий. А вот промежуточный вариант, когда ведущие и ведомые стремятся к объединению в одно целое, но разделяющая их социальная дистанция, тем не менее, сохраняется, является оптимальным для разрастания партийного «тела».

Наконец, от третьего фактора зависит, насколько партия подвержена влиянию своего социального окружения и, следовательно, насколько жёсткой или, напротив, рыхлой будет её внутренняя структура². Низкий уровень политической активности избирателей и сторонников влечёт за собой ужесточение структуры партии, высокий – её размягчение.

Сообразуясь с вышеизложенным, проанализируем эволюцию организационных форм политических партий.

Избранная нами система координат предполагает два предельных случая: 1) низшая степень социальности: партия представляет собой клиентелу, ведущие и ведомые отгорожены друг от друга высокими социальными барьерами, активность и самостоятельность избирателей и рядовых членов партии минимальны; 2) высшая степень социальности: партия представляет собой клуб единомышленников, различия между ведущими и ведомыми не социальные, а индивидуальные, избиратели и рядовые члены партии вполне самостоятельны и принимают активное участие в политической жизни.

С этой точки зрения первые протопартии, а особенно фракции, отнюдь не выглядят недоразвитыми в социальном плане. Дистанция между избирающими и избираемыми в них невелика, более того, она не носит социального характера. Избиратель, может быть, и не так уж активен, зато вполне самостоятелен в своём выборе. Поэтому избираемый им депутат играет по отношению к нему роль скорее адвоката, нежели покровителя. Сами члены фракции, избираясь в парламент исключительно собственными силами, не зависимы друг друга, а значит, в принципе равноправны. Их связывают вполне гражданские отношения, что препятствует превращению фракции в заурядную клиентелу.

² Фактически, речь идёт об институционализации политических партий.

Данная тема достаточно подробно освещена А. Панебьянко.

3. Эволюция партийной организации с точки зрения социального представительства

Однако подход, которого придерживается этот автор, на наш взгляд, слишком абстрактен. Папебьянко рассматривает институционализацию вообще – как «процесс, в ходе которого организация перестаёт быть чистым орудием для достижения определённой

От последней фракцию отличает также определённая идейная общность, сплачивающая её членов – как минимум, на первых порах. В дальнейшем идейная общность может испариться, но это поставит под сомнение существование фракции в таком качестве, поскольку сделает проблематичным её дальнейшее воспроизводство.

Расширение избирательного права создаёт предпосылки для появления внепарламентских политических организаций, то есть собственно партий. Но оно же ведёт и к увеличению дистанции между избирающими и избираемыми, причём к различиям индивидуальным добавляются и социальные. В первые американские протопартии (федералисты и джефферсоновские республиканцы) объединялись «сливки общества». Рядовые избиратели – фермеры, торговцы, ремесленники – с почтением взирали на «отцов республики», обладавших значительно более высоким социальным статусом (эта разница, правда, была не столь велика, как в случае с английским аристократом и английским фермером) и уровнем образования. Поэтому положение избираемых претерпело определённые изменения: они выступали в роли не только адвокатов, но и в какой-то мере покровителей (в первую очередь так можно сказать о федералистах). Однако это покровительство было достаточно условным – в повседневной жизни избиратели никак не зависели от избираемых, и материально-корыстные причины на их выбор не влияли. А политическая активность «низов» даже возросла, особенно это касалось республиканцев, сеть региональных комитетов у которых была значительно разветвлённое и многолюднее, чем у федералистов. Комитеты же формировались не из звёзд первой величины, а из добровольных помощников – выходцев из самой избирательской гущи. Отношения между представителями той или иной партии в Конгрессе мало отличались от отношений между членами фракций британского парламента. Всё это были самостоятельные политики, добившиеся избрания благодаря собственным возможностям – при некоторой помощи избирательных комитетов – и поэтому не слишком стеснённые фракционной дисциплиной. Помимо тактических и лоббистских соображений их объединяло сходное понимание общенациональных интересов – другими словами, стимулы идейного свойства. Постепенный уход федералистов с политической сцены свёл на нет данные стимулы и тем самым предопределил фактическую самоликвидацию партии республиканцев.

Новая волна партстроительства в США, связанная с выходом на сцену демократов Эндрю Джексона, сильно изменила суть партийного процесса. Идеологическим знаменем стало возвращение власти народу путём отнятия её у беспартийных нотаблей, однако изобретённый для реализации этой цели инструмент – спойл-система – сам очень быстро превратился в самодовлеющую цель и вызвал заметную клиентелизацию внутрипартийных отношений, выразившуюся в резком усилении роли боссов и возглавляемых ими «машин». Спойл-система привлекала в партию новых членов обещанием «добычи» – должностей

цели и превращается в институт, становится «самоценной» (Parebianco: 53), – не задаваясь вопросом, насколько указанный процесс связан с повышением или, напротив, снижением эффективности исследуемого института. Тем самым выводится за скобки и другой вопрос: насколько высокая степень институционализации свидетельствует о жизнеспособности партии – и наоборот. А без этого, по большому счёту, не имеет смысла и задача измерения уровня институционализации. Кроме того, разрабатывая данную тему, А. Панебьянко намеренно ограничивается рамками теории организации, не затрагивая проблемы социального наполнения различных организационных форм. По нашему же мнению, именно в социальном содержании различных типов организации – ключом к пониманию неожиданных поворотов в их эволюции.

в исполнительной власти. Партийная борьба, таким образом, становилась разновидностью предпринимательской деятельности, практически не имевшей идейной основы, зато требовавшей концентрации усилий, разделения функций и известного единоначалия. Лидер партийной организации (босс) приобретал вследствие этого функции, с одной стороны, покровителя, с другой – командира (относительно к членам своей команды), не утрачивая при этом функции адвоката, какую он продолжал выполнять по отношению к избирателям. Постепенно боссы и «машины» вытеснили-таки из политики беспартийных нотаблей, которые, впрочем, без боя не сдались – на протяжении 30-50-х гг. XIX века под именем вигов они достойно конкурировали с демократами.

Власть боссов, тем не менее, не выходила за определённые пределы. Во-первых, боссы не располагали абсолютными рычагами давления на членов своих команд: максимум, что они могли – лишить их своего покровительства. Но для последних это не было особой трагедией: у них оставалась возможность примкнуть к другой команде, а в крайнем случае заняться чем-нибудь ещё, кроме политики. Во-вторых, дистанция, отделявшая партийные организации от избирателей, была не настолько велика, как в случае с беспартийными нотаблями – вигами или, ранее, федералистами. Но самое главное, избиратели не зависели каким-либо образом от партийных боссов и могли безбоязненно отказывать им в доверии. В-третьих, американский избиратель к тому времени обладал достаточным опытом самоорганизации и был способен оказать успешное сопротивление поползновениям нотаблей или боссов к монополизации власти. Средний американец обычно состоял сразу в нескольких сообществах неполитического характера, часть из которых выбирал сознательно и добровольно (клубы, ассоциации, лиги противодействия повышению налогов, пошлин и тарифов и пр.). Борьбу против засилья боссов американцы вели как внутри партий (течение магвампов в Республиканской партии 1870— 1880-х гг.), так и вне их – в рамках описанных ещё М.Острогорским лиг и федераций граждан. Наконец, стремление не допустить монополизации политической жизни иногда выливалось в создание новых партий – именно так, в частности, в середине XIX века в США появилась Республиканская партия. Последующие попытки заканчивались менее удачно, однако заставляли две главные партии прислушиваться к согражданам и приспособливать свою политику к их запросам. Всё это, а также введение института первичных выборов (праймериз), в ходе которых избиратели включались в процесс отбора кандидатов уже на предварительном этапе, привело к тому, что начиная с рубежа XIX-XX веков, роль боссов и «машин» стала снижаться, а роль избирателей и отдельных кандидатов – напротив, возрастать. Благодаря этому в деятельности американских партий всё дальше на задний план отходили функции покровителя и командира, а на авансцену всё увереннее выдвигалась адвокатская функция.

Иначе говоря, американские партии, которым М.Дюверже приписывал архаичность, отнюдь не были таковыми с точки зрения социального представительства. В них всегда присутствовало сильное гражданское начало, чего изрядно не хватало более «современным», по мнению французского исследователя, массовым партиям Европы, особенно коммунистическим и фашистским. Классическим примером социальной архаичности служили скорее партии латиноамериканских стран второй половины XIX – первой половины XX века, где основную часть избирателей составляли крестьяне-арендаторы, находящиеся в полной зависимости от крупных латифундистов, кланы которых и формировали костяк двух главных партий – как правило, консервативной и либеральной (принадлежность к той или иной, по сути, передавалась по наследству). Здесь избирающих и избираемых разделяла настоящая пропасть – переход из одной категории в другую был практически невозможен. Избиратели в своём большинстве не проявляли даже минимальной политической активности, а на выборах голосовали под диктовку латифундиста, в чью клиентелу они входили. Да и сами партии были устроены по «семейному», клановому, то есть клиентельному принципу (хотя даже в этом случае клановая структура партий – результат позднейшей «институционализации», а на первых порах размежевание на консерваторов и либералов было вполне искренним и безусловно идейным). Другими словами, социальная архаичность была присуща партиям тех стран, основу электората которых составляли крестьяне. При этом чем сильнее последние зависели от арендодателей, тем большей степенью архаичности отличались партии, нередко полностью терявшие характер собственно партий и превращавшиеся в конгломераты клик, кланов и клиентел.

По сравнению с подобными образованиями массовые партии действительно выглядели существенным шагом вперёд. В них дистанция между избирающими и избираемыми, ведущими и ведомыми перестала быть непреодолимой: постепенно открывались поры, через которые представители «низов» просачивались в верхние слои. Росла и политическая активность рядового избирателя – от совершеннейшего нуля к некоему положительному значению. Отношения же представительства в массовых партиях носили характер достаточно сложный и неоднозначный.

Массовые партии – городской феномен. Их зарождение прямо связано с индустриализацией и появлением рабочего класса, с одной стороны, и развитием социалистической идеологии, с другой. Недаром создателями первых массовых партий были именно социалисты (социал-демократы), объявившие себя защитниками интересов рабочего класса. Весьма показательным, что в становлении массовых партий – социалистических – идеологии принадлежала куда более важная роль, чем при создании партий кадровых – либеральных и консервативных. «Эмбрионом» практически любой социалистической

(социал-демократической) партии являлся интеллектуальный кружок, клуб единомышленников, состоявший почти исключительно из интеллигентов. Огромное множество таких кружков кануло в Лету, так и не организовавшись во что-то серьёзное. Противоположный результат имел место, только когда им удавалось «оседлать» встречное движение снизу. Если это происходило, то в дальнейшем всё зависело от того, кто составлял социальную базу новообразованной партии.

Так, Социалистическая партия Франции (Французская секция Второго Интернационала – SFIO), на которую М.Дюверже указал как на типичный пример массовой партии секционного типа (Дюверже: 67), в начале своего пути не могла похвастаться непосредственными связями с рабочим движением (на рубеже XIX-XX вв. оно контролировалось преимущественно синдикалистами) и, пользуясь наибольшим авторитетом в сельских районах, представляла собой, по оценке А.Панебьянко, гибридную структуру: наполовину (в городской части) – массовая партия, наполовину – парламентская партия нотаблей со слабым центральным аппаратом и обладающими весьма высокой автономией региональными и межрегиональными отделениями (Panebianco: 97-98). Социал-демократическая партия Германии, изначально имевшая неоспоримое влияние среди рабочих, напротив, являлась классическим образцом централизованной массовой партии.

Но в любом случае интеллигентское происхождение социалистических (социал-демократических) партий накладывало на них свой отпечаток. Их лидеры выступали по отношению к избирателю прежде всего как правозащитники, а по отношению к рядовым членам партии – как просветители, воспитатели, то есть в роли, в которой функция покровительства была тесно переплетена с функцией правозащиты. По мере роста партийных рядов, и в первую очередь их «рабочивания», по мере выдвижения на руководящие посты выходцев из рабочего класса, эти функции отходят на второй план, уступая место функции командирской. Вступает в действие отмеченный Р.Михельсом «железный закон олигархии»: нити управления партией сосредотачиваются в руках немногих. И причиной тому – слишком большая социальная дистанция между вождами и рядовыми партийцами. Конечно, эта дистанция не статусна, она объясняется недостатком у рабочих образования, чем, в свою очередь, обусловлен низкий уровень их управленческой компетентности. Но факт остается фактом. Именно дефицит компетентности рядовых членов, именно трудности, которые выходцу из рабочих приходится преодолевать по пути вверх, – основная предпосылка обрастания партии громоздким, иерархически структурированным аппаратом. Характерно при этом, что чем более «пролетарским» по своему составу является аппарат, тем ярче выражено в нём иерархическое начало, тем больше ступеней насчитывает иерархическая лестница. Пролетаризация аппарата способствовала

формированию партийной бюрократии, для которой овладение властью в партии превращалось в главную, а иногда и единственную цель.

Сравнительно более высокая по сравнению с крестьянством политическая активность рабочего класса, со своей стороны, – залог успеха партии в деле наращивания массового членства, являвшегося поначалу едва ли не единственным источником финансирования партийной деятельности – в тот период социал-демократические партии жили почти исключительно на членские взносы. От уровня активности рабочего класса и, самое главное, от его способности к самоорганизации в немалой, если не в основной, степени зависело также, какие формы примет в дальнейшем партстроительство. Так, если к моменту активизации социалистических кружков в стране уже существовало развитое профсоюзное движение, то классическая массовая партия в данной части политического спектра могла и не сложиться. Например, в Великобритании – как ни бились социалистические общества за создание мощной рабочей партии, но создали её именно профсоюзы, и именно профсоюзы долгое время определяли курс лейбористов и контролировали отбор кандидатов на выборные должности. Высокий уровень самоорганизации рабочего движения обусловил, таким образом, и специфический характер Лейбористской партии – она возникла не как централизованная массовая партия, а как партия непрямая.

Во Франции в последнее десятилетие XIX века также имелись профсоюзы – пусть и не такие развитые, как в Англии. Но находились они под влиянием синдикалистов, категорически не желавших вовлекать рабочих в политическую деятельность. Отсюда полуинтеллигентский, «мелкобуржуазный» характер Социалистической партии и как следствие – довольно аморфная структура СФИО, схожесть её в этом отношении с «буржуазными» кадровыми партиями.

В Германии же не кто иные, как социал-демократы выступили инициаторами создания профсоюзов, а затем десятки лет держали их под своим контролем. Отсюда высокая степень централизации СДПГ, мощь её аппарата. Участие рабочих в политической жизни с самого начала осуществлялось под зорким партийным присмотром, а их стремление к самоорганизации неукоснительно направлялось в нужное партии русло.

Но если секционное устройство социалистических (социал-демократических) партий всё же побуждало рабочих к самостоятельным движениям – по крайней мере, в свободное от работы время посетить собрание по месту жительства, – то коммунисты постарались и их свести к минимуму. Они явились к своим подопечным прямо на рабочее место, избрав в качестве базового звена для партии производственную ячейку. От рабочих требовалось только слушать и исполнять спускаемые сверху указания. Последствия подобной организационной модификации не заставили себя ждать. Выборы руководства,

которыми и в социал-демократических партиях верхи научились довольно ловко манипулировать, у коммунистов и вовсе перестали быть выборами – в результате организационным структурам был придан вид типичной иерархической вертикали. Почитание вождей среди социалистов, отмеченное ещё Р.Михельсом, в компартиях переросло в культ личности. В результате партия приобретала очертания клиентелы. Наконец, если социалистические партии продолжали выступать отчасти правозащитниками, отчасти покровителями, а отчасти и адвокатами, то у коммунистов эти функции почти целиком были вытеснены функцией командирской и лишь со временем восстановили своё значение. Коммунистические партии намного более бюрократизированы, чем социалистические, и бюрократизация их тем сильнее, чем меньше первоначальная социальная дистанция между верхами и низами. Правда, «первичную» социальную дистанцию тихой сапой сменяет «вторичная», которая становится особенно заметной в случае завоевания коммунистической партией положения правящей, а затем и единственной. Но это, по сути, начало конца компартии, секрет выживания которой – в непрекращающемся обновлении верхних эшелонов за счёт притока свежей крови снизу.

Что касается массовых партий целевой ориентации, то, как давно уже признано, их возникновение во многом явилось реакцией на «угрозу слева». Была предпринята попытка противопоставить организационной мощи организационную же мощь. Массовая мобилизация сторонников «буржуазными» партиями привела, однако, к увеличению социальной дистанции между лидерами и рядовыми членами, весьма усилил покровительскую роль, исполняемую первыми по отношению ко вторым, и сообщив ей элемент командирства. Вместе с тем, вся предыдущая история партий этого сектора, прочность гражданских традиций, социальная неоднородность членского состава, значительная доля представителей среднего класса и отсутствие зависимости «низов» от «верхов» придали подобным объединениям смешанный характер: они сочетали признаки как кадровых, так и массовых партий. С одной стороны, в них имела место более-менее строгая партийная дисциплина, регулярно проводились собрания и взимались членские взносы, а с другой, в партии сохранялось доминирование парламентской фракции, аппарат не был политически самостоятельным, выполняя чисто технические функции, а региональные отделения пользовались высокой степенью автономии от центра. Типичный образец такой организации – Консервативная партия Великобритании.

Несколько иной вариант – массовые партии, создававшиеся на конфессиональной основе (католические, протестантские, христианско-демократические). На формирование их курса и руководящих органов, а также отбор кандидатов на выборные должности большое влияние оказывали религиозные общины. В силу этого структура таких партий содержала немало элементов непрямой организации. Но в

целом им были свойственны те же черты, что и британской Консервативной партии: доминирование парламентской фракции над аппаратом, автономность региональных отделений, прочные гражданские традиции и т. п.

Наконец, совершенно особый случай – фашистские партии. В «нормальной» ситуации они так и оставались бы маргинальными полулюмпенскими образованиями. Однако в условиях системного кризиса общества, дискредитации парламентского режима, деморализации буржуазии и среднего класса, агрессивного давления со стороны коммунистов, декларирующих намерение революционным (то есть насильственным) путём захватить власть, им удаётся выйти из тени. Фашистские партии – ярко выраженные клиентелы. Культ вождей, незаконно протаскиваемый в коммунистических партиях, в фашистских организациях полностью легитимизируется. В отличие от всех остальных партий фашисты открыто отвергают демократические (гражданские) традиции и так же открыто апеллируют к насилию как способу решения стоящих перед обществом проблем. При этом социальная дистанция между фашистскими лидерами и рядовыми партийцами, между партией и обывателями (термин «избиратели» тут не совсем подходит, «граждане» не подходит вообще) минимальна. Мало того, наблюдается своего рода социальная инверсия: на первые роли выходят не лучшие, а худшие. Что же касается активности членов социума, то она в определённой степени востребована, но одновременно поставлена партией под жёсткий контроль: всякая несанкционированная общественная самодеятельность не только не поощряется, но, напротив, сурово карается. Фашисты напрочь отвергают функции адвокатов и тем более правозащитников, признавая лишь роль покровителей и, в первую очередь, командиров. Командиры же ведут солдат известно куда – в бой. Туда и повели свои страны фашисты везде, где оказались у власти. Тем самым они поставили точку в собственном развитии, оставив без ответа вопрос: возможна ли дальнейшая эволюция фашистских режимов и куда именно она способна пойти. Если возникновение прочих массовых партий являло собой какой-никакой, но прогресс (в предыдущем состоянии основная часть населения была попросту выключена из политической жизни), выход на авансцену фашистских партий – показатель явной деградации общества, утраты им социального иммунитета.

Упадок массовых партий наступил тогда, когда они фактически выполнили своё главное предназначение – социализировали и приобщили к политическому процессу миллионы новых членов гражданского общества, добились воплощения в жизнь их важнейших требований (применительно к левым партиям – это обеспечение достаточных социальных гарантий для наёмных работников, защита их прав перед лицом работодателей). Начиная с этого момента, широкие массы избирателей уже гораздо меньше нуждались в покровителях, а тем более в командирах. Их потребность в корпоративном сплочении также иррационально

уменьшилась, что нашло отражение в снижении численности не только партий, но и неполитических объединений – профсоюзов, кооперативов, страховых касс и пр. Даже возрастающее недоверие к партиям как к институту явилось свидетельством возрастания самостоятельности избирателя. Рядовой гражданин стал более уверен в себе, более мобилен, а главное – усилилось его стремление к непосредственному участию в политике. Положение, когда право принимать решения он передавал некой инстанции, устраивало его всё меньше и меньше. Избиратель пожелал сам участвовать в отборе кандидатов, причём на всех уровнях – от местного до общенационального. Отсюда и отмеченные исследователями уменьшение численности партий, снижение роли аппарата и повышение роли представителей партий в органах государственной власти, персонализация партийной политики, стратархизация партийной жизни.

С точки зрения отношений представительства постепенно сходит на нет покровительская и командирская функции партий, сокращается адвокатская функция, зато существенно возрастает значение функции правозащитной. Партия все больше принимает форму широкого клуба, члены которого озабочены в первую очередь защитой интересов общества в целом, в том числе тех его сегментов, представители которых не способны защитить себя сами. Показательный пример такого рода – Демократическая партия США, имеющая стойкую репутацию «партии защиты меньшинств». Но, хотя демократы пользуются поддержкой большей части этих меньшинств – от этнических до сексуальных, костяк сторонников партии составляют всё же представители благополучного большинства, которые, руководствуясь альтруистическими побуждениями, отстаивают не столько свои, сколько чужие права. Вполне естественно поэтому, что в деятельности демократов ярче всего выражена правозащитная функция. В то же время у республиканцев на первом месте по-прежнему функция адвокатская: во главу угла они ставят интересы твёрдо стоящих на ногах налогоплательщиков, а не ограниченных в возможности самостоятельно защитить себя бюджетополучателей.

Вообще, тенденции, проявившиеся в партийной жизни Западной Европы лишь в 60-х годах XX столетия, политическая практика США демонстрировала ещё в начале века, а многие из них были присущи ей изначально. Так что следует согласиться с Л.Эпштейном – это европейским партиям предстоит американизироваться, а не американским европеизироваться. Отсутствие фиксированного партийного членства и стойких партийных привязанностей, децентрализация партийной жизни, а самое главное – более активное участие избирателей в отборе кандидатов на выборные должности (в том числе в форме праймериз) – всё это, по-видимому, будущие черты ведущих европейских партий. Единственное, что, судя по всему, американским партиям предстоит перенять у европейских, – это некоторое усиление идеологизации партийной жизни, к чему обязывает сама трансформация

партии в многоуровневый клуб и постепенное возобладание правозащитной функции.

Все перечисленные тенденции, впрочем, неизбежно накладываются на существующие реалии, что вызывает появление гибридных форм. Исторически сложившиеся формы партийной организации так просто не сдаются – они пытаются адаптироваться к изменившимся условиям. Скажем, массовые партии, стремясь не допустить дальнейшего снижения численности, расширяют права рядовых членов, проводят референдумы по наиболее важным вопросам партийной жизни (включая избрание руководящих органов), регулярные опросы с целью выяснить точку зрения рядового состава на какой-либо предмет и т. п.

Не надо также забывать, что те или иные организационные формы политических партий лучше приживаются в одних сегментах общества и хуже – в других. Так, партии, ориентировавшиеся на рабочих, сравнительно легко становились массовыми, тогда как ориентировавшимся на средний класс это удавалось труднее. Военизированные формирования (милиция) непринуждённо возникают в люмпенизированной среде и категорически не совместимы со средой интеллигентской. Примеры можно продолжать. Тенденция к стиранию граней между левыми и правыми партиями, как и между классами или стратами, разумеется, налицо, но её не следует абсолютизировать. Различия скорее смягчаются, нежели исчезают в принципе. А значит, организационным формам политических партий ещё долго будет свойственно разнообразие.

Насколько значим фактор социальной дистанции между ведущими и ведомыми, а также социальной и политической активности населения для развития организационных форм политических партий, удобно проследить на примере дореволюционной и современной России.

1. *Дореволюционной России* были присущи резкие социальные контрасты, обусловленные огромной дистанцией между тонким слоем образованной элиты и неграмотным в своей массе крестьянским большинством населения. Эта дистанция к тому же закреплялась законодательно – в рамках сословной системы. Политическая жизнь была сосредоточена наверху, однако её течение не в последнюю очередь определялось глубоким социальным конфликтом между крестьянством и помещными землевладельцами, периодическое обострение которого существенным образом влияло на расстановку сил.

Не менее значительную роль играл и другой социальный конфликт, связанный со вступлением страны в фазу интенсивной индустриализации, – конфликт между работодателями и наёмными работниками. Он вовлекал в политическую деятельность выходцев из рабочего класса, что благоприятствовало развитию определённых организационных форм политических партий.

4. Развитие
организационных
форм
политических
партий в России:
опыт дореволю-
ционный и
современный

Согласно предложенной М.Дюверже схеме, по способу своего образования партии делятся на две группы – внутреннего происхождения и внешнего происхождения (Дюверже: 29). Первые создаются парламентскими фракциями и избирательными комитетами, вторые – непарламентскими организациями (профсоюзами, кооперативами, обществами взаимопомощи) или кружками интеллектуалов (философскими обществами, клубами). Вторым способом образовалось подавляющее большинство социалистических (социал-демократических) партий – в условиях ограниченного избирательного права иного пути не существует: парламентским фракциям социалистов либо соответствующим избирательным комитетам просто неоткуда взяться.

В России рубежа XIX-XX вв. партии могли возникнуть только вторым способом и только из интеллигентских кружков – за полным отсутствием в стране представительных учреждений; попытки же создания непарламентских организаций типа профсоюзов пресекались так же сурово, как и занятия «политикой». Не было ничего удивительного и в том, что такие кружки имели социалистическую ориентацию – это обеспечивалось их интеллигентским составом и тогдашней интеллектуальной модой на социализм. С точки зрения представительства социалистические кружки носили отчётливо правозащитный характер: они пытались отстаивать интересы не собственных членов, а общества в целом и его наиболее дискриминируемого класса – крестьян, в частности.

Первыми объединениями подобного рода были народнические кружки (70-е гг. XIX в.). Преследования со стороны властей, а также переориентация (после неудачи с «хождением в народ») на насильственные методы политической борьбы вызвали трансформацию этих кружков в аналоги вооружённых формирований (милиции). Однако данная трансформация не зашла далеко, этому помешали как сугубо интеллигентский характер кружков, так и слишком очевидная бесплодность силового противостояния могучей репрессивной машине государства.

Новый толчок развитию социалистических кружков дало становление в России рабочего движения. Появившиеся в 90-х гг. XIX в. организации имели в основном социал-демократическую (марксистскую) направленность. Среди их членов заметно увеличилось число рабочих или выходцев из рабочей среды, хотя в целом они продолжали оставаться преимущественно интеллигентскими образованиями. Примером для подражания российским марксистам служила Социал-демократическая партия Германии, вследствие чего они всё более явно выказывали претензию на исполнение командирской функции: настойчиво пытались возглавить рабочее движение, а во внутренней жизни стремились к созданию централизованной иерархической структуры, объединяющей разрозненные местные организации. Несмотря на некоторые успехи (в 1898 г. было объявлено о создании Российской социал-демократической рабочей партии, в 1903 г. приняты

её программа и устав), вплоть до революции 1905 г. РСДРП представляла собой скорее конгломерат кружков, нежели сколько-нибудь убедительное подобие СДПГ. В ещё большей степени это относилось к Партии социалистов-революционеров, чей объединительный съезд состоялся только в начале 1906 г.

Формирование либеральных кружков происходило в дореволюционной России со значительным запаздыванием, можно даже сказать, плелось в хвосте социалистического движения. Символично, что у истоков одной из первых таких организаций, Союза освобождения (1903), стояли бывшие социалисты – так называемые легальные марксисты. Создание Союза земцев-конституционалистов, объединившего либеральное крыло земского движения, пришлось вообще на 1904 г. – разгар русско-японской войны и канун первой русской революции. Либеральные кружки, как и социалистические, претендовали прежде всего на правозащитную роль – они боролись за определённый путь развития общества в целом, а не выступали адвокатами интересов какого-то конкретного социального класса.

Огромным импульсом для партстроительства стала первая русская революция. Возможности политической деятельности резко расширились, указом от 17 октября 1905 г. были гарантированы основные гражданские права и свободы, страна обзавелась общенациональным представительным органом с законодательными полномочиями. Всё это повлекло быстрый рост численности существующих партий, а также возникновение новых. Характерно, что практически все политические образования пытались копировать структуру централизованной массовой партии секционного типа. Это и понятно: сами по себе секции – не что иное, как действующие на местном уровне клубы. Вместе с тем были между партиями и серьёзные различия.

Так, в организационной структуре социалистических партий – РСДРП и ПСР – важное место принадлежало военизированным формированиям (милиции). Кроме того, социалисты, и особенно социалдемократы, активно работали в пролетарской среде, что весьма способствовало формированию производственных ячеек как первичных структурных единиц партийной организации. Общая нацеленность социалистических партий на вооружённое восстание усиливала в их деятельности командирскую функцию, оттесняя на задний план все остальные, включая правозащитную, и отчётливо иерархизировала их организационное устройство.

Заметную роль военизированные формирования играли и в организационной структуре ультрамонархических, крайне правых партий – в первую очередь Союза русского народа. Но в целом СРН представлял собой гибрид элитистской и массовой партии. Власть в нём была сосредоточена в руках узкого круга лиц – в основном дворян, а многочисленные секции, в том числе рабочие и крестьянские, являлись не более чем статистами, массовой. На первых порах, однако,

военизированные формирования СРН оказали властям существенную помощь в подавлении революционного движения.

С точки зрения представительства монархические организации выступали прежде всего как покровители, причём их покровительство было опосредованным – втянутому в сферу своего влияния «простому народу» они обещали не столько собственный патронаж, сколько защиту и заботу царя-батюшки. Верноподданнические настроения, кроме всего прочего, создавали благоприятную среду для доминирования клиентельных отношений, обуславливая слабость крайне правых в организационно-партийном плане. Эта слабость усугублялась также тем, что в глазах самих ультрамонархистов партии были порождением западного парламентаризма, никак не согласующимся с исконно русским жизненным укладом.

В организационном устройстве либеральных (кадеты) и либерально-консервативных партий (октябристы) военизированным формированиям места не было. «Союз 17 октября» по своей структуре походил на Союз русского народа: комитеты, состоящие из представителей элиты, чётко отделялись от не имевших реальной власти массовых секций. В Конституционно-демократической партии секции были более влиятельны, а комитеты напоминали клубы единомышленников. Соответственно, адвокатская функция в деятельности октябристской партии в большей мере сочеталась с покровительской, тогда как в деятельности кадетов – с правозащитной.

С началом работы Государственной думы в политическом пространстве появились также фракции, не связанные ни с какими внепарламентскими организациями, – прежде всего фракция трудовиков, объединившая беспартийных депутатов, которые были избраны от крестьянской курии.

Поражение первой русской революции привело к серьёзному изменению не только расстановки политических сил, но и форм партийной организации.

«Союз 17 октября» и Союз русского народа довольно быстро лишились массовых секций. Сказалось как падение общественного интереса к политике, так и неспособность октябристов и монархистов предложить нечто внятное своим сторонникам из «низших» классов. «Союз 17 октября» сначала превратился в чисто кокусную партию, а в 1913 г. вообще распался, причём значительная часть октябристской фракции в принципе отказалась идентифицировать себя с какой-либо партией.

Ещё более незавидная участь выпала СРН. Мало того, что он быстро растерял низовые организации и рассыпался на множество яростно соперничающих друг с другом кланов и клиентел. Самое печальное для судьбы СРН заключалось в том, что особенности избирательного закона, предоставлявшего максимум привилегий курии поместных землевладельцев, делали ненужным существование внепарламентских организаций в правой части спектра: отбором кандидатов

в депутаты занималось в основном дворянское самоуправление. Не имели успеха и инициативы противоположного свойства – создать партию на базе думской фракции. В частности, такую попытку предприняла фракция националистов и потерпела закономерную неудачу – в тех условиях в подобной организации не было никакой надобности.

Постепенно трансформировалась в кокусную и партия кадетов. В крупных городах, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, у неё ещё оставались мало-мальски приличные секции, в целом же по стране действовали узкие по составу комитеты, да и те оживали лишь на период избирательных кампаний. Причиной этому служил не только общий спад политической активности, но и репрессивная политика властей в отношении кадетской партии – КДП так и не была легализована, её членов отлучали от госслужбы, да и вообще всячески третировали.

Но самые тяжёлые репрессии обрушились, конечно же, на социалистические партии. Тут увольнением с государственной службы дело не ограничивалось – мягчайшим наказанием была ссылка. За несколько лет охранное отделение основательно подчистило нелегальные структуры социал-демократов и социалистов-революционеров. Их вожди вынуждены были эмигрировать, а работа в России велась в основном через легальные общества – профсоюзы, кооперативы, больничные кассы. Эсдеки и эсеры старались поставить их под свой контроль и нередко добивались определённых успехов. Ситуация, таким образом, сильно изменилась по сравнению с имевшей место до 1905 г. Уровень централизации и массовости социалистических организаций на порядок снизился, тогда как внутрипартийная фракционность, напротив, увеличилась. Как у эсеров, так и у социал-демократов в России были не столько партийные структуры, сколько конгломерат разрозненных организаций, практически не взаимодействовавших ни друг с другом, ни с зарубежными центрами.

Параллельно возрастала степень персонализации и клиентелизации партийной политики. Одна из наиболее непримиримых фракций в РСДРП – большевики-ленинцы, в 1912 г. фактически объявившие себя самостоятельной партией, – отличалась и наибольшей клиентелизованностью. Централизация и иерархизация большевистских структур сопровождалась сосредоточением всей власти в руках вождя – В.Ленина, авторитет которого был непререкаем. Выборы руководящих органов, которые в социалистических партиях, как показал Р.Михельс, и так были достаточно условной процедурой, в большевистской фракции превратились едва ли не в пустую формальность. Так складывалась «партия нового типа», по образцу которой в дальнейшем строились все коммунистические организации. В то время она ещё не базировалась на производственных ячейках – большевики не имели такой возможности из-за противодействия со стороны полиции. Но с организационной точки зрения главная черта компартий –

вовсе не приближённость к производству, а жёсткое единоначалие, ассоциирующееся не столько с гражданскими, сколько с армейскими структурами. Большевицкая партия уподобляла себя гвардии, а её руководители были командирами, у которых для выполнения правозащитных и адвокатских функций не оставалось ни сил, ни времени, да и желания.

Февральская революция 1917 года вдохнула в российские политические партии новую жизнь. Их атрофировавшиеся секции воспряли, не только восстановив прежнюю численность, но и значительно её превысив (это, правда, не касалось Союза русского народа и октябристов, окончательно сошедших со сцены). Однако решающую роль в последовавших политических сражениях сыграла не массовость секций, а наличие военизированных формирований (милиции, или в тогдашней терминологии «красной гвардии») и поддержка армии, а точнее рядовых солдат. Судьба страны решалась не на выборах, а до них и помимо них. Существовавшие параллельно с государственными органами Советы явились, как к тому и призывал В. Ленин, не дублёрами представительных учреждений, а инструментами овладения властью, причём овладения насильственным.

Дальнейшая эволюция партийных организационных форм происходила в условиях срачивания правящей партии, быстро ставшей единственной, с государственным аппаратом. Таким образом, партия, начало которой положили интеллигентские кружки, в конце концов превратилась в супермощную иерархическую структуру, не просто копирующую органы государственной власти, но и контролирующую каждый их шаг. Главным фактором, обусловившим данную трансформацию, послужил выход на социальную арену рабочего класса и прогрессирующий рост его численности за счёт крестьянства. Рабочий класс периода ранней индустриализации достаточно активен, чтобы поставлять выходцев из своей среды в партийные и государственные органы, но ещё не достиг той степени самоорганизации, которая защитила бы его от попыток манипулирования. Отсюда рост не столько профсоюзов, сколько партийных иерархических структур. Не очень грамотные рабочие, плохо ориентирующиеся в хитросплетениях политической жизни, – удобный материал для манипуляций: в силу малой компетентности и привычки к довольно суровой жизни они легко управляемы и подчиняются почти военной дисциплине не только без сопротивления, но с превеликой охотой, причём сохраняют эти качества на всех ступенях иерархической вертикали. Верхние эшелоны таких партий, поначалу заполнявшиеся в основном представителями интеллигенции, впоследствии переходят на самовоспроизводство – за счёт собственной, «рабочей», бюрократии. Организованная подобным образом структура – мощная сила, особенно если ей предстоит бороться за власть не парламентскими, а вооружёнными методами. Отнюдь не чураясь прямого насилия, она сравнительно легко расправляется с политическими противниками и вообще

со всеми, кто осмеливается оспаривать у нее влияние на «трудовой народ».

2. *Современная Россия* вступила в водоворот публичной политической конкуренции в ситуации, кардинально отличающейся от условий начала XX века. Десятилетия нивелировки социальной структуры, повышение образовательного уровня населения до стандартов развитых стран, высокая степень вертикальной мобильности сделали своё дело – дистанция между управляющими и управляемыми в значительной мере утратила социальный характер. Поэтому, когда ликвидация монополии КПСС на политическую деятельность вывела на авансцену новых игроков, развитие организационных форм политических объединений пошло совсем другим путём, нежели сто лет назад.

Хотя начиналось всё примерно так же. Первыми заявили о себе кружки интеллектуалов, клубы единомышленников. Но если на рубеже XIX-XX веков они охватывали только более-менее крупные города и очень скоро были вытеснены другими организационными формами, то в конце 80-х гг. XX столетия подобные объединения появлялись в массовом и повсеместном порядке, а самое главное – отнюдь не спешили уступать свою ведущую роль. Демократические клубы и их ассоциации приняли активное участие в избирательных кампаниях конца 80-х – начала 90-х гг., добившись весьма впечатляющих успехов. Несмотря на аморфность структуры и относительную малочисленность, они на равных конкурировали с КПСС – супергигантом, подчинившим своему контролю едва ли не все стороны общественной жизни и имевшим в членах чуть ли не каждого десятого жителя страны.

Примечательно, что складыванию многопартийности сопутствовало стойкое убеждение в существовании единственной «правильной» формы партийного устройства – централизованной массовой партии секционного типа. Причём это убеждение питали практически все участники политического процесса. Свободная, ни к чему не обязывающая форма объединения демократов казалась слишком «слабой» членам клубов, а самое главное – их лидерам, несмотря на то, что именно с нею были связаны их наибольшие успехи. В результате неумной тяги к партстроительству возникло множество маловлиятельных субъектов политической жизни, подражавших централизованной массовой партии образца первой половины века, которые, однако, не могли похвастаться ни численностью, ни разветвлённостью структур, ни мощностью аппарата. Даже самая крупная из новообразованных партий, Демократическая партия России, в свои лучшие времена насчитывала не более 50 тыс. членов. Попытки централизовать управление, ввести единоначалие обернулись клиентелизацией внутрипартийных отношений, отсечением групп, не согласных с всевластием единственного лидера, а в конечном итоге – дроблением демократического движения.

Тем не менее, жизнь брала своё. Необходимость сплочения перед лицом могущественного противника побуждала мелкие партийные единицы объединяться в рамках общероссийской ассоциации – движения «Демократическая Россия». Причём клубы, являвшиеся местными отделениями тех или иных партий, одновременно конституировали себя в качестве структурных единиц «ДемРоссии», заставляя считаться с этим партийное руководство, даже когда последнее не очень стремилось влиться в ряды ДР. Так, в частности, случилось с Демократической партией России, лидер которой Н.Травкин согласился на вступление в «Демократическую Россию» исключительно под давлением местных организаций. Из «ДемРоссии», таким образом, получился своего рода многоуровневый клуб, тем более что в региональной политической жизни местные клубы участвовали вполне самостоятельно, без какого-либо контроля сверху.

Причиной краха «ДемРоссии» была вовсе не её организационная слабость – те формы, которые предложила ДР, убедительно продемонстрировали свою жизнеспособность и эффективность. Просто цели, которые она себе поставила, оказались достигнуты на удивление быстро. В августе 1991 г. властная монополия КПСС рухнула, её сменила политическая система, основанная на демократической конкуренции. На повестке дня стояли новые задачи, связанные с осуществлением радикальной экономической реформы. Здесь интеллигентские объединения мало на что могли повлиять. Их доля в парламенте была невелика – не более 20% мест – и в дальнейшем, по мере роста недовольства экономическими преобразованиями, только снижалась. Общее падение авторитета интеллигенции сопровождалось стремительным распадом созданных в начале 90-х гг. структур. Развалилась «Демократическая Россия», резко уменьшилась численность составивших её организаций, ряд её коллективных членов переметнулся в противоположный лагерь, другие просто перестали существовать.

Одновременно разворачивалось активное партстроительство на обломках распущенной КПСС. Создававшиеся в тот период политические организации – в основном коммунистического и «патриотического» толка – также принимали за образец централизованную массовую партию секционного типа, однако реального успеха на этой ниве добились лишь Коммунистическая партия РФ. Остальные представляли собой те же ассоциации интеллигентских клубов. Попытки более-менее жёстко их централизовать вели лишь к клиентелизации внутрипартийных отношений, обострению межфракционной и межклановой борьбы и, в итоге, к оттоку членов.

Успех же КПРФ был обусловлен, скорее всего, тем, что она сумела вовлечь в свою орбиту костяк актива КПСС – тех людей, которые и при советской власти с удовольствием занимались «общественной работой», то есть проведением бесконечных собраний и заседаний. Другими словами, КПРФ изначально создавалась не как рабочая партия, призванная облегчить выходцам из «низов» вхождение в большую политику,

а как партия отставных чиновников – чтобы те могли тихо, без особых потрясений, но и без особых достижений, дожить свой политический век. Этим объясняется и её относительно массовый характер, и высокая степень централизации внутрипартийной жизни: в России огромное количество бывших аппаратчиков, для которых принцип «демократического централизма», то есть беспрекословного подчинения нижестоящих вышестоящим, – как догмат о непогрешимости папы римского для католика.

Все прочие партии, независимо от ориентации, лишь имитировали по тем или иным соображениям структуру массовой партии. Характерный в этом отношении пример – Либерально-демократическая партия России В.Жириновского. Никакой другой организации страны не подходит так органично наименование «всеядной». Вот уж кому безразлично, что проповедовать, с каким электоратом работать, лишь бы была отдача в виде голосов на выборах. Одно время ЛДПР имела развернутую сеть местных организаций и насчитывала сотни тысяч членов, но время это было коротким: в её ряды люди приходили за конкретной материальной выгодой и, не получив таковой, убирались восвояси. По сути, ЛДПР – это гигантская клиентела, собственность её вождя. Недаром и всё партийное имущество записано на В.Жириновского или его родственников.

Если для лидера ЛДПР массовая партия – способ выгодного вложения средств, то другие партийные деятели придавали своим организациям аналогичную видимость или из стремления к безраздельной власти, или в силу инерции мышления, приписывающей данной организационной форме чудодейственную силу. Если соображения первого рода ещё как-то оправданны, то вера во всемогущество массовых партий зиждется на недоразумении или же на некорректной интерпретации чьего-либо успеха. Так, кульминационный момент в жизни ЛДПР-декабрьские выборы 1993 г. – пришёлся на период, когда партия существовала скорее на бумаге и ни о каком её массовом характере речи не было. Напротив, когда она действительно превратилась в более-менее массовую структуру, успехи её стали куда скромнее. А удачное выступление на думских выборах 2003 г. и вовсе не было связано с «организационной мощью»: партия набрала 11,45% голосов исключительно благодаря шоуменским талантам своего лидера и благоволению властей, допустивших В.Жириновского до большого эфира.

Взять ту же КПРФ – казалось бы, своими достижениями на парламентских выборах 1995 и 1999 гг. коммунисты прямо обязаны массовому членству. Однако в Москве, где у Компартии самое крупное региональное отделение, ей ни разу не удалось провести своих представителей в городскую думу. А результат КПРФ на думских выборах 2003 г. (12,61%) заставил окончательно усомниться в практической ценности таких ресурсов, как разветвлённая сеть местных отделений и массовое членство. Организационная мощь не столько помогала

КПРФ, сколько лишала её маневренности и способности принимать адекватные решения.

Массовую партию секционного типа видели в качестве образца и разработчики принятого в 2001 г. закона о политических партиях. Требования, предъявляемые к партиям, конечно, нельзя назвать невыполнимыми: минимальная численность 10 тысяч человек, наличие региональных отделений в половине субъектов Федерации и пр. Однако значимо само намерение регламентировать партийную деятельность в определённом направлении – без учёта того, насколько те или иные организационные формы будут востребованы в новых условиях. Наибольшее же недоумение вызывает стремление авторов закона ограничить возможность создания блоков и исключить из избирательного процесса неполитические общественные объединения. Ведь именно избирательный блок, причём максимально гибкой конфигурации, является наиболее подходящей формой, направляющей течение политической самоорганизации в оптимальное на каждый конкретный момент русло. Успех на выборах 2003 г. наскоро слепленного блока «Родина» – дополнительный аргумент в пользу данного утверждения.

Да и вообще – на протяжении всего постсоветского десятилетия именно блоки заполняли те ниши, на которые не удавалось распространить своё влияние уже существующим политическим партиям. Правда, впоследствии эти блоки в случае успеха на выборах норовили сделаться сначала движениями, а затем партиями. Но такая метаморфоза редко шла им на пользу – по крайней мере, голосов на выборах это не прибавляло. Яркий пример – Союз правых сил, который был успешен в качестве широкого блока и провалил избирательную кампанию, преобразовавшись в своего рода закрытое акционерное общество.

Так что весьма спорный вопрос, разумны ли попытки предредить организационную форму абсолютно всех политических объединений страны. К тому же российский избирательный закон совершенно упускает из виду структуры, подобные, скажем, Лейбористской партии Великобритании, то есть непрямым партиям (ЛП была создана именно неполитическими организациями, а индивидуальное членство введено в ней гораздо позже).

При этом следует отметить, что разработчики российского закона о партиях так и не достигли главной заявленной цели – вывести из политического процесса заведомо мнимые величины. На июль 2003 г. было зарегистрировано более 50 политических партий, две трети из которых полностью оформили документы и получили право участвовать в парламентских выборах. В выборах в Госдуму четвёртого созыва приняли участие 18 партий и 5 избирательных блоков. Если вспомнить, что в избирательной кампании 1999 г. участвовали 26 блоков и объединений, то трудно удержаться от риторического вопроса: а стоило ли огород городить?

Итак, благодаря особенностям законодательства и инерции политического мышления все существующие в настоящее время партии формально представляют собой массовые организации секционного типа. Однако какие именно отношения скрываются под этой унифицированной формой? Рассмотрим данный вопрос на примере реально действующих в стране политических партий (подчеркнём – реально действующих, поскольку подавляющее большинство тех, что зарегистрированы Минюстом, существуют только на бумаге).

Начнем с *Компартии РФ*, единственной в стране организации, полностью удовлетворяющей определению массовой партии. Она насчитывает около 500 тыс. членов и имеет обширнейшую сеть отделений, простирающуюся до районного и местного уровней. По отношению к рядовым членам руководство Компартии во многом продолжает выполнять командирскую функцию, доставшуюся ей в наследство от КПСС. Правда, войско уже давно не то: с ним можно сидеть в осаде, но штурмовать вершины власти получается плохо. Дистанция между рядовыми членами и руководством в КПрФ невелика и носит не социальный, а индивидуальный характер. При советской власти нынешние руководители Компартии РФ – как в центре, так и на местах – занимали не самые первые посты, недаром КПрФ называют «партией третьих секретарей». Если с некоторых пор дистанция между лидерами и рядовыми членами партии начала увеличиваться, то только потому, что первые неплохо интегрировались в систему власти, заметно повысив свой социальный статус и материальное благосостояние, тогда как вторые, напротив, практически слились с электоратом, утратив без остатка бывшие привилегии.

В отношениях Компартии РФ с избирателями командирская функция отходит на второй план: о ней уместно говорить только имея в виду базовый электорат коммунистов (двенадцать с небольшим процентов, полученные в 1993 и 2003 гг.), для которого голосование за партию обусловлено мировоззренческим выбором. Остальную часть избирателей Компартии составляют либо наиболее неустроенные, либо максимально потерявшие за годы реформ слои населения, которые ищут не командиров, а покровителей. Самое же большее, что может им предложить КПрФ, – это правозащита, то есть отстаивание интересов на уровне идей, принципов, моральной и политической поддержки, но никак не материальное вспомоществование. Впрочем, на выборах по одномандатным округам, а также на выборах руководителей региональных органов исполнительной власти кандидаты от Компартии ведут себя примерно так же, как и все прочие: не столько как коммунисты, сколько как местные нотабли, обещающие избирателям именно покровительство, удовлетворение конкретных материальных запросов. Стало быть, отношения КПрФ с электоратом не требуют от партии централизованной массовой структуры – последняя сохраняется, надо полагать, в силу организационной инерции.

Перспективы Компартии РФ нельзя назвать блестящими, особенно после неудачи на выборах 2003 г. Неудача эта чревата для Компартии крупными потрясениями, в частности расколом на «традиционалистов», приверженных прежним идейным и организационным принципам, и «модернистов», ратующих за внутривнутрипартийную реформу. На стороне первых, по-видимому, выступит аппарат и большая часть членского состава, на стороне вторых – «нотабли» и молодёжь. Поэтому первые, вероятно, унаследуют нынешнюю структуру КПрФ, а вторым придётся искать не только новое название и идеологию, но и новые организационные формы. Так или иначе, провозвестие такого раскола дало о себе знать уже в ходе второго этапа IX съезда (28 декабря 2003 г.), который ознаменовался стычкой руководства КПрФ во главе с Г.Зюгановым с «группой Семигина-Потапова».

Формально *«Единая Россия»* превосходит Компартию по численности. На начало 2004 г. она насчитывала более 700 тыс. членов и имела отделения по всем городам и весям. Однако отношения, связывающие лидеров и рядовых партийцев, таковы, что ЕР напоминает не классическую массовую партию, а гибрид элитистской и массовой, нечто вроде Союза русского народа начала XX века. Основная масса членов партии – безгласные статисты, не оказывающие на жизнь «Единой России» ровным счётом никакого влияния. Реальная власть в ЕР принадлежит узкому кругу крупных чиновников, обладающих собственным политическим весом и чаще всего даже не состоящих в партии. В сущности, «Единая Россия» – это конгломерат чиновничьих кланов и клиентел, причём центр, вокруг которого объединяются эти клиентелы, – президент и его администрация – расположен вне партии. Так что отношения между лидерами и рядовым составом «Единой России» исчерпывающе определяются термином покровительство. Этому весьма способствует и немалая социальная дистанция между ведущими и ведомыми, которая, кроме всего прочего, абсолютно непреодолима: рядовым членам никогда не подняться в верхние эшелоны, а руководители скорее предпочтут отойти от политической деятельности, нежели сравняться с безликой рядовой массой.

То же самое можно сказать и об отношениях партии с её избирателями. В большинстве своём это бюджетополучатели, может быть, не самые неустроенные, как в случае с коммунистами, но точно так же ищущие покровителей и, в отличие от «красного» электората, не утрачившие веры в существующую власть (или, наоборот, обретшие её вновь). Социальная дистанция, отделяющая «партию власти» от электората, делает ненужной массовые партийные структуры – те больше путаются под ногами, нежели чем-то помогают. Реальные лидеры «Единой России» вполне могут обращаться к своим избирателям напрямую – собственно, они так и поступают. Единственное исключение из этого правила – выборы по пропорциональной системе, для участия в которых правящий слой бюрократии и вынужден создавать

так называемые «партии власти». Можно даже сказать, что пропорциональная система – тот единственный фактор, благодаря которому на политической сцене появились такие образования, как «Единая Россия» и её предшественники – «Наш дом – Россия», «Отечество», «Вся Россия», «Единство». Проводись выборы в нашей стране только по мажоритарной системе, правящая бюрократия не нуждалась бы в декоративных партиях-посредниках. Убедительное тому доказательство – Белоруссия, чей президент прекрасно обходится без «партии власти».

Дальнейшая судьба «Единой России», скорее всего, будет той же, что и судьба предыдущих инкарнаций «партии власти», то есть ЕР повторит путь, некогда пройденный Союзом русского народа. Триумф на выборах 2003 г., обеспечивший «единороссам» конституционное большинство в Госдуме, обещает им отнюдь не безмятежное почивание на лаврах, но большую головную боль. «Партия власти» уже не сможет перекладывать на кого-либо ответственность за проводимую президентом и правительством политику: теперь всё в её руках, и если электорату что-то не понравится, расплачиваться на следующих выборах придётся именно «Единой России». Кроме того, в стане победителей, как показывает опыт, неизбежно обострится межклановая борьба, которая способна привести к развалу организации, разбеганию из неё членов и в конечном счёте – к необходимости готовить новую декорацию, прикрываясь которой чиновничество могло бы выступить на очередных выборах. В качестве партийной организации «партия власти» бесперспективна и сойдёт с политических подмостков, как только в стране появится реальная правящая партия.

Либерально-демократическая партия России представляет собой клиентулу в чистейшем виде, с присущим ей доминированием отношений покровительства во всех сферах – как во внутрипартийных делах, так и во взаимодействии с избирателем. Причём дистанция между «верхами» и «низами» в ЛДПР не носит принципиального характера: все её члены – своеобразные alter ego вождя. Как правило, это предприниматели с не очень высоким уровнем образования и нравственной щепетильности. Партия для них – коммерческий проект, позволяющий без больших затрат получать до 300% прибыли. Легко в неё вступая, они так же легко с нею расстаются – особенно когда выясняется, что ожидаемой прибыли не предвидится.

Избиратель ЛДПР в социальном плане во многом схож с партийным активом. С одной стороны, он отнюдь не жаждет лишиться тех преимуществ, которые принесла с собой новая общественная формация. Поэтому обещания восстановить советскую власть – не для него. С другой стороны, он готов верить любому, кто посулит быстрое и незатруднительное обогащение, пусть даже за чужой счёт – это как раз нестрашно и даже вполне естественно. Такой избиратель охотно принимает покровительство, но отнюдь не обременяется привязанностью к случайно избранному патрону, поскольку в принципе

не считает себя кому-либо чем-либо обязанным, а напротив, убеждён, что все вокруг должны ему, и преисполнен решимости стребовать с мира его долги.

Для работы с таким избирателем не нужно ни массовой партии, ни вообще партии как таковой. Некогда В.Жириновский утверждал, что его партия крупнейшая в России и насчитывает 800 тыс. членов – против 500 тыс. у КПРФ. Но если бы это и не было преувеличением, данная цифра ничего не значит: быть членом в ЛДПР и быть членом в КПРФ – совершенно разные вещи. Член КПРФ – это тот, кто платит взносы и ходит на собрания, член ЛДПР – тот, кто однажды был записан в партию, причём, возможно, сам о том не ведая. Численность ЛДПР – не более чем взятая с потолка фикция, потому что единственное предназначение партии – делать рекламу своему вождю, без которого она, в свою очередь, ничто. Наибольший успех сопутствовал ЛДПР тогда, когда она либо ещё не имела организационных структур (в 1993 г.), либо когда они уже пришли в упадок (в 2003 г.).

Перспективы ЛДПР тесно связаны с успешностью её лидера. Как только В.Жириновский утратит популярность, с политической сцены исчезнет и возглавляемая им партия. Другое дело, что вряд ли исчезнет ниша, которую занимает ЛДПР, и крайне сомнительно, что освождённое ею место долго пробудет пусто. И ещё неизвестно, окажется ли тот, кто придёт на смену «сыну юриста», более уважаемой фигурой. Что же касается гипотетической «ЛДПР № 2», то она в любом случае будет клиентелой, не способной трансформироваться во что-либо иное.

«Яблоко» до принятия закона о политических партиях не выказывало ни малейшего интереса к расширению своих рядов. Его устав жёстко регламентировал процедуру принятия новых членов, из-за чего численность партии ограничивалась несколькими тысячами человек. Подобную жёсткость диктовало внутреннее устройство организации. «Яблоко» создавалось на базе ассоциации интеллигентских клубов, берущих начало в «Демократической России», однако в нём довольно скоро выдвинулся единоличный лидер (Г.Явлинский), степенью близости к которому определялось положение членов «Яблока» во внутрипартийной иерархии. Человек, попадавший в партию извне, должен был либо согласиться с этим порядком, либо уйти. Поскольку клубная вольница несла угрозу status quo, то руководство партии повело с нею беспощадную борьбу, не останавливаясь перед роспуском целых региональных отделений. В итоге клубы, когда-то составившие костяк партии, фактически были преобразованы в комитеты.

После вступления в силу закона о политических партиях «Яблоко» пересмотрело кадровую политику: принятие новых членов было существенно облегчено, и численность партии быстро достигла 60 тыс. человек. Но, поскольку такой стремительный рост рядов не опирался на какой-либо общественный подъём, логично предположить,

что произошёл простой перевод в члены партии её сторонников, вовсе не имевших в виду активное участие в партийной жизни.

Отчётливые признаки клиентелизма в организационном устройстве «Яблока» свидетельствуют о значительной роли покровительской функции во взаимоотношениях лидеров и рядовых членов. Между тем социальные характеристики актива партии – принадлежность преимущественно к интеллигенции, высокий образовательный уровень, а также минимальная дистанция, отделяющая рядовых партийцев от лидеров, – наложили на внутривнутрипартийные отношения существенный отпечаток. Структуры партии не утратили до конца клубного характера; лидер «Яблока» в глазах своих последователей – прежде всего интеллектуальный авторитет и лишь затем руководитель организации.

Отношения «Яблока» с избирателями несколько сложнее. В момент выхода партии (тогда – блока «Явлинский-Болдырев-Лукин») на политическую сцену основу её электората составляли наиболее образованные бюджетополучатели, ещё сохранившие приверженность либеральным ценностям. В то время «Яблоко» выполняло в первую очередь правозащитную функцию. Постепенно либеральная ориентация «яблочного» электората угасла, в нём всё более явно вызревал запрос не на правозащиту, не на фундаментальные, но при этом достаточно абстрактные права и свободы, а на покровительство, то есть на конкретную, осязаемую помощь. Однако к роли покровителя «Яблоко» как раз и не было приспособлено. Во-первых, оно не имело ресурсов для влияния на исполнительную власть, а во-вторых, в принципе не стремилось к участию в ней.

Западные аналоги «Яблока» ориентируются не только на бюджетополучателей, но и на значительную часть налогоплательщиков, которые из гуманистических соображений или стремления к снижению напряжённости в обществе считают необходимым принятие и реализацию обширных социальных программ. Другими словами, партии подобного рода выступают в роли правозащитников, которые личным примером подвигают благополучных сограждан к деятельному человеколюбию. Дистанция между избирающими и избираемыми здесь сведена к минимуму и является не социальной, а индивидуальной. Однако в России описанный тип избирателя – налогоплательщик, руководствующийся в своём политическом поведении не материальным интересом, а постматериалистическими побуждениями, составляет мизерную долю электората. И вряд ли таких людей было много среди тех, кто 7 декабря 2003 г. голосовал за «Яблоко». В любом случае искусственное наращивание численности – тем более таким бесхитростным способом, как перевод сторонников в разряд членов партии, – мало что дало партии.

Вероятность того, что «Яблоко» превратится когда-нибудь в многоуровневый клуб, и до выборов была довольно неопределённой, а уж после неудачи на них стала и вовсе неопределимой. Чтобы выжить

в новых условиях, партии нужно не просто найти новые источники финансирования (данная проблема до чрезвычайности обострилась с арестом М.Ходорковского, являвшегося, пожалуй, единственным крупным спонсором «Яблока»), но отказаться от элементов клиентелизма в своей организационной структуре. Это, в свою очередь, вряд ли возможно без смены партийного руководства. А уход Г.Явлинского и его команды из «Яблока» будет означать и уход партии из политики, точнее её растворение в коалиции с другими объединениями. Несомненно, впрочем, и то, что рано или поздно ниша, на которую претендует партия, вырастет в размерах. Вопрос только в том, сумеет ли «Яблоко» дожить до лучших времён, – в одиночку, и сохранив неизменной свою нынешнюю структуру.

Союз правых сил – едва ли не единственная в России организация, сознательно отказавшаяся от попыток имитировать массовую партию. Правда, поначалу такая цель ставилась, однако очень скоро выяснилось, что рост численности ведёт не к укреплению позиций «правых» на местах, а к интенсификации внутривнутрипартийных склок. «Накачивание» местных отделений новыми членами сделалось обычным инструментом в борьбе за власть между различными группировками. Поэтому партия в конце концов решила ограничиться той численностью, какая была достигнута на конец 2001 г. (около 23 тыс. человек), и сосредоточила основное внимание на качестве вновь принимаемого «человеческого материала». В этом плане более-менее эффективной оказалась тактика приглашения в партию людей, обладающих собственным социальным и политическим капиталом, как правило, депутатов региональных и местных представительных органов. Другими словами, СПС обнаружил склонность к развитию в партию кокусного типа.

Однако эта тенденция была очень и очень хрупкой. В структуре Союза правых сил присутствовало немало элементов, унаследованных от предшественников – интеллигентских образований клубного типа. Кроме того, в тех регионах, где позиции «правых» не отличались прочностью, партийные организации зачастую становились банальными клиентами. Таким образом, организационное устройство СПС носило смешанный характер: здесь были структуры и кокусного, и клубного, и клиентельного типа. Вместе с тем, в отношениях между руководителями и рядовыми членами преобладали гражданские (адвокатские) или клубные (правозащитные) связи: в первом случае лидер находится в положении работающего по договору, во втором – являет собой пример для подражания. В покровительстве активисты СПС в большинстве своём не нуждаются (да и лидеры «правых» не слишком претендуют на такую роль: вернее, те, кто были бы не прочь, с нею явно не справятся, а кто справится – тот не рвётся), покушения же руководства партии на командирство обыкновенно заканчивались плохо – в частности, за вмешательством центра в дела региональных отделений следовала либо фактическая ликвидация

последних, либо выход из них влиятельных персон и, соответственно, резкое ослабление самих организаций.

Избиратели «правых», а это прежде всего наиболее интеллигентная часть налогоплательщиков, тоже не испытывают особой нужды в покровителях и категорически не терпят, когда ими пытаются командовать. Так что Союзу правых сил оставалась либо правозащитная, либо адвокатская функция. Первую он выполнял, когда актуализировал идейные приоритеты (гражданские права и свободы, гарантии собственности и пр.), вторую – когда брался защищать интересы социально близких ему общественных страт (предприниматели, лица свободных профессий, широкие слои налогоплательщиков). В период между думскими выборами 1993 и 2003 гг. на первый план в деятельности СПС вышла именно идейная составляющая, и круг сторонников партии сузился до опасного минимума. Итоги голосования 7 декабря 2003 г. (3,97%) продемонстрировали, что партия растеряла почти весь свой «буржуазный» электорат, вернувшись к показателям «Демвыбора России» 1995 года (3,86%). А это означало, что «правые» не смогли убедить потенциальных избирателей в своей способности эффективно отстаивать их интересы. В известной степени в этом виноват и сам «буржуазный» избиратель, который до сих пор предпочитает платить взятки, а не налоги и мало обращает внимания на политику. По большому счёту Союз правых сил и его «естественный» электорат оказались достойны друг друга, и теперь их вялость и легкомыслие обоим выйдут боком.

В принципе, социальные характеристики электората и актива СПС – высокая самостоятельность, отсутствие серьёзной социальной дистанции, отделяющей избирателей, сторонников и рядовых партийцев от лидеров, – должны были способствовать эволюции партии в сторону многоуровневого клуба. Но для этого Союзу правых сил необходимо было вдохнуть новую жизнь в клубные структуры, сделать их действительно многоуровневыми, то есть работающими одновременно на нескольких уровнях – от местного до общенационального. «Правым» это очевидно не удалось, и доказательством тому – итоги последних думских выборов. Сохранит ли СПС своё присутствие на политической сцене, по сути, уже не так важно. Партийное строительство в данной части политической пространства в любом случае продолжится, и ведущая роль в нём с наибольшей вероятностью будет принадлежать структурам клубного типа.

В период между выборами 1999 и 2003 г. на российской политической сцене действовала организация, которую М.Дюверже отнёс бы к партиям внутреннего происхождения, то есть созданным на базе парламентской фракции. Это *Народная партия РФ*, образованная на основе думской группы «Народный депутат». С точки зрения организационного устройства НПРФ весьма напоминала партии нотаблей. Все члены НД были избраны в одномандатных округах и почти все

они впоследствии возглавили региональные организации НПРФ. Поэтому на местах отделения Народной партии представляли собой клиентелы, а на общенациональном уровне, то есть в Госдуме, – гражданский союз, объединение равных. Был здесь, правда, один нюанс: объединяющий центр находился вне партии – в администрации президента, агенты которой обеспечивали «нардепам» спонсорскую поддержку за счёт особо доверенных бизнес-структур.

Так что, хотя Народная партия РФ и настаивала на своём массовом характере (по заявлениям руководства НПРФ, в ней состояло более 100 тыс. членов), её представительские функции по отношению к рядовым членам и избирателям практически полностью сводились к покровительству. Единая цель, которая сплавляла бы разрозненных нотаблей, отсутствовала – каждый из них старался сам для себя. Избирателям же и подавно не было дела до партийности депутата, а было дело – до того, насколько он успешен как лоббист, пробивающий для своего округа вполне конкретные материальные блага. Такой фактор, как численность партийной организации, в борьбе «нардепов» за симпатии избирателей не играла абсолютно никакой роли.

Неудивительно, что итоги декабрьских выборов 2003 г. поставили крест на Народной партии как организационной структуре. Пяти-процентного барьера она не преодолела, а те 19 её представителей, которые прошли в Госдуму по одномандатным округам, влились в ряды «Единой России», причём не столько по собственному желанию, сколько по команде из Кремля, решившего свернуть данный партийный проект. После этого финансирование НПРФ прекратилось, и партия фактически в одно мгновение исчезла с политического горизонта (несколько позже группа членов ЦК во главе с Г.Гудковым попыталась её реанимировать, однако попытки эти неубедительны). Сходство НПРФ с традиционными партиями внутреннего происхождения оказалось чисто внешним.

О перспективах дебютанта российской партийной политики – *блока «Родина»* – говорить что-нибудь ободряющее не приходится. В нём изначально было много полугромких имён, но отсутствовали сколько-нибудь дееспособные партийные организации, а разношёрстность собранной в блоке публики и начавшийся едва ли не на другой день после выборов раскол между С.Глазьевым и Д.Рогозиным и вовсе не оставляют этому образованию шансов на выживание.

В целом, произведя обзор организационных форм ведущих политических партий современной России и характера взаимоотношений последних с избирателями, следует констатировать, что ни одна из них, вопреки замыслу разработчиков соответствующего закона, не испытывает потребности в массовых структурах секционного типа. Это касается и единственной в стране партии, которая такие структуры действительно имеет, – Коммунистической партии Российской Федерации. Они у неё есть не потому, что нужны, а потому, что от них нельзя избавиться. Когда уйдёт поколение, обеспечивающее Компартию

её нынешнюю численность, на смену не придёт никто, и даже не потому что некому, а потому что незачем. Массовость партийных рядов и возможность влиять на политическую жизнь – вещи отнюдь не тождественные, и чем дальше, тем это очевиднее.

Заключение

Итак, можно утверждать, что развитие организационных форм политических партий в какой-то момент переменяло своё направление. Первые партии были узкими объединениями нотаблей, напрямую работающими со своим электоратом и берущими на себя прежде всего *адвокатские* и *покровительские* функции. Расширение избирательного права вывело на авансцену массовые иерархические структуры, в первую очередь выполняющие функции *командирские*. Однако укоренение всеобщего избирательного права отнюдь не привело к монопольному господству массовых партий. Напротив, они начали «ужиматься» и эволюционировать в сторону клубов нотаблей, стремящихся максимально сократить число посредников между собою и избирателями. Но если «первичные» клубы нотаблей имели элитистский характер, то «вторичным» свойственна принципиальная открытость, а также определённая многоуровневость. Кроме того, бывшие кадровые партии сочетали *адвокатскую* функцию прежде всего с функцией *покровительской*, что же касается «обновлённых кадровых партий», то они комбинируют адвокатскую функцию больше с правозащитной. При этом все партии в равной мере утрачивают *командирскую* функцию: современным электоратом командовать всё труднее. Некоторая его часть, может быть, и ищет покровителей, но маршировать в ногу со всей остальной армией не желает уже никто. Всё это связано с изменением социальной структуры общества, сокращением дистанции между «верхами» и «низами», возрастанием самостоятельности и активности широких масс населения (последнее, впрочем, вполне способно обратиться вспять, вызвав известный «регресс» в партийном строительстве).

Описанная тенденция, судя по всему, носит фундаментальный характер, и её невозможно скорректировать законодательным путём. Это подтверждается сравнением политических партий дореволюционной и постсоветской России. До 1917 г. власти из всех сил противились становлению централизованных массовых партий, не без оснований видя в них опасных конкурентов. Тем не менее тенденция пробилась через все препоны. Одна из партий не только обрела массовую централизованную структуру, но и подмяла под себя государственный аппарат, да и общество в целом. После 1991 г. законодательство не только благоприятствовало становлению массовых партий секционного типа, но и более того – придало им статус единственной «легитимной» формы политических организаций. Однако именно эта форма не очень-то приживается на новой почве. Российское общество гораздо больше, чем западное, верит покровителям и

гораздо меньше – адвокатам, зато не очень склонно слушаться приказов и шагать в ногу.

Не стоит, конечно, преувеличивать «зловредность» действующего российского законодательства о политических партиях. В какой-то мере оно даже приносит пользу – хотя бы тем, что заставляет партии держать себя в форме между выборами. В принципе, ни одному шахматисту не помешают крепкие бицепсы и подтянутый живот. Другое дело, что это не поможет ему стать чемпионом по шахматам.

Да, российские партии слабы, но слабость их не в недостатке «мышечной массы», то есть массовых структур, а в мизерности влияния на государственную политику. Это влияние ещё более сократилось после думской кампании 2003 г. Проиграли в первую очередь те её участники, которых с той или иной степенью уверенности можно отнести к политическим партиям – КПРФ, СПС и «Яблоко». Победители – «Единая Россия», ЛДПР, «Родина» – подпадают под данное определение лишь с большими оговорками.

Усилить своё влияние на государственные дела – важнейшая задача политических партий современной России. Но вряд ли решение этой задачи состоит в искусственном наращивании партийных рядов. Проблема в том, как мобилизовать общество на борьбу за свои права и интересы, и строительство партийных структур – лишь одно из направлений на этом пути, причём давно уже не магистральное.

Литература

1. *Дюверже М.* Политические партии. – М.: Академический проект, 2000.
2. *Левин И. Б.* Партия и модернизация: российские варианты // *Полития*, 2000, № 1.
3. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.
4. *Пишова С.Н.* Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // *Полис*. 2000. №№ 2, 3.
5. *Пишова С. Н.* Какую партийную систему воспримет наше общество? // *Полис*, 1998. № 4.
6. *Burke E.* Thoughts of the cause of the present discontents (1770) // *The Works of the Right Honorable Edmund Burke*. Vol. II. – London. 1808.
7. *Chambers W.* Parties and Nation-Building in America // *Political Parties and Political Development*. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966.
8. *Clark P., and Wilson J.Q.* Incentive Systems: A Theory for Organizations // *Administrative Science Quarterly*, № 6. 1961.
9. *Koole R.* The Vulnerability of the Modern Cadre Party in the Netherlands // *How Parties Organize: Change and Adaptation in Party Organizations in Western Democracies*. – London. 1994.

10. *Epstein L.* Political Parties in Western Democratic Systems. // Political Parties: Contemporary Trends and Ideas. – N.Y., 1967.
11. *Katz R.* and *Mair P.* Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics, № 1, 1995.
12. *Katz R.* and *Mair P.* The Ascendancy of the Party in Public Office: Party Organizational Change in Twentieth Century Democracies // Political Parties: Old Concepts and New Challenges (Comparative Politics). – Oxford University Press, 2002.
13. *Kirchheimer O.* The Transformation of the Western European Party Systems // Political Parties and Political Development. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966.
14. *Mair P.* Party System Change: Approaches and Interpretations. – Oxford: Clarendon Press, 1997.
15. *Michels R.* Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. – Glencoe, 1949.
16. *Panbianco A.* Political Parties: Organization and Power. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
17. *Sartori G.* Parties and party system: A framework for analysis. Vol. 1. – Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press, 1976.
18. *Ware A.* Political Parties and Party Systems. – Oxford: Oxford University Press, 1996.